

АНТОН БЕЛЯЕВ

Притяжение света

АНТОН БЕЛЯЕВ

Притяжение света

«Издательские решения»

2015

Беляев А.

Притяжение света / А. Беляев — «Издательские решения», 2015

Любовь подобна яркому свету, и мы, словно наивные мотыльки, тянемся к этому самому свету, порой не осознавая его губительную силу...

Содержание

Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Притяжение света

Антон Беляев

© Антон Беляев, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть 1

*Кто чем по жизни согрешил,
Того Господь тем и накажет,
Меж нами лжи поток бежит
Чуть позже – бездна правды ляжет.*

*Меж нами – сонм фальшивых фраз
И страх возможных откровений.
Я сам с себя, в который раз,
Срываю зыбкий плен сомнений*

*И захлебнувшись бытием
С фальшивым привкусом свободы
В толпе кричащей – глух и нем,
Дрожу под гнётом небосвода...*

Мы редко замечаем, что какой-либо период нашей жизни зачастую являет собой лишь цепь не зависящих от нас самих обстоятельств. И подчиняемся данным обстоятельствам, не осознавая собственную зависимость от происходящего. Мы можем называть подобные явления судьбой, можем меланхолично произносить сакраментальную фразу «так Богу угодно...», но редко находим в себе силы противостоять. Да и зачем? Очень немногие способны заглядывать в будущее, а наивная надежда на благоприятный исход любых начинаний заложена у нас в крови с молоком матери. Встав перед выбором, человек склоняется к тому, что соответствует его запросам, а у большинства из нас в списке данных требований превалирует чувство комфорта. Физического ли, душевного, неважно. Главное, чтоб оно – это ощущение – потакало скрытому в сознании «эго». Мы можем преподносить своё «эго» окружающим как любое положительное качество, будь то человечность, добросердечность, щедрость... Как угодно, но суть не изменится. Потому что для любого из нас первостепенной задачей является удовлетворение собственных потребностей. А уж когда данные потребности увязываются воедино с неожиданно вторгшимися в заурядный уклад обстоятельствами, то даже элементарные совпадения расцениваются не иначе как пресловутые знаки судьбы. И мы благоволим им, перечёркивая прошлое и слепо отдаваясь во власть бурному течению времени ради зыбкого, но такого притягательного в своей новизне будущего....

«Привет, как дела?». Самая обычная фраза, но порой даже такие незначительные, привычные слова могут перевернуть всю жизнь. Очень часто мы общаемся друг с другом и не думаем о том, что наш визави в каждом предложении может услышать что-то свое, вложить свой смысл в ничего не значащие слова, сказанные либо из вежливости, либо от любопытства, либо просто ради заполнения возникшей вдруг неловкой паузы. Каждый находит и слышит то, что ищет, – а ищет то, в чем нуждается, будь то надежда, симпатия, любовь или же совершенно обратные чувства – поэтому зачастую последствия бывают совершенно непредсказуемыми.

Николай не в первый раз встречал эту девочку-то на лестничной площадке, то на улице. Пару раз даже вместе спускались в лифте, так как жили на одном – седьмом – этаже, но в разных крыльях, и всегда лишь кивал в ответ на тихое и вежливое «здравствуйте».

Если бы мужчину спросили, как выглядит соседка, он вряд ли смог бы описать ее. Разве что короткая ярко-красная куртка да темная шапочка, опущенная на глаза, отложились в памяти. Вот и сегодня – все та же курточка, та же шапочка, да пакет в руках. Николай вышел из такси, когда она выскочила из-за угла их панельного дома и подбежала к крыльцу, на ходу доставая ключи с красным сердечком-брелоком на короткой цепочке. Раздалось знакомое

пиликанье домофона и девушка скрылась в подъезде. Забрав сдачу, он успел в закрывающуюся дверь и услышал звук опускающегося лифта. «Опять повезло», – подумал мужчина, вспомнив, как утром умудрился не опоздать на планерку, влетев в кабинет за полминуты до назначенного времени. Николай улыбнулся, припомнив, как на планерке начальница дважды похвалила его за успехи в работе.

– Здравствуйте, – прошепестел рядом нежный голосок.

– Привет. Как дела? – все еще улыбаясь, поинтересовался довольный жизнью мужчина. На душе было тепло и весело, слепая любовь ко всему на свете рвалась наружу, и хотелось делиться с другими этим настроением, столь редким в наше суматошное время.

– Хорошо... – в голосе девочки прозвучало плохо скрытое удивление.

В это время подъехала кабина лифта, автоматические двери с грохотом и рывками открылись и красная курточка сделала было шаг, но в нерешительности остановилась, не зная – заходить, или же пропустить вперед старшего. Николай не удержался, с показной галантностью сделал жест руками и склонил голову в поклоне. Легкая улыбка мелькнула на губах девочки, когда она, следуя жесту, шагнула в полумрак кабины.

– Вам на какой этаж? – продолжая шутить, с нарочитой вежливостью поинтересовался Николай.

– На седьмой, – опять же с удивлением произнесла соседка. Она явно не угадывала его настроение и не понимала – шутит мужчина, или же говорит серьезно.

– Надо же, какое совпадение. И мне тоже, – сострил Николай и уже хотел развить тему про совпадения, когда лифт неожиданно остановился.

– Вот и приехали. Просим покинуть помещение в порядке... – начал мужчина, но вдруг осознал, что кабина остановилась раньше, чем следовало, да и двери открываться, похоже, не собирались.

«Вот черт, не дай Бог еще застрять, это уже совсем ни к чему» – поминая одновременно и Бога и черта, Николай еще раз нажал на кнопку седьмого этажа, но ничего не произошло – лифт стоял на том же месте. Первый, стоп, седьмой, пятый... В ход пошли любые кнопки, лишь бы сдвинуть кабину, но все безрезультатно, только щелканье клавиш раздавалось в наступившей тишине.

«Ну что ж, будем жаловаться». Николай нажал на «вызов» и только тогда вспомнил что он не один. «Вот черт, угораздило же застрять, да еще и с девчонкой».

Он обернулся – девочка молча смотрела на него, в глазах явно сквозили испуг и недоумение.

– Ничего страшного, сейчас поедem, – единственное, что нашелся сказать мужчина, – вызовем диспетчера и все исправят.

Она кивнула и посмотрела на кнопку вызова, видимо подсознательно ассоциируя спасение с этой желтой клавишей. Как раз в этот момент что-то зашуршало в динамике и далекий женский голос с металлическим оттенком спросил:

– Что случилось?

– Да вот – застряли. Не знаем, что и делать.

– Нажмите «стоп» и опять нужный этаж.

– Нажимали, не помогает, – ответил Николай невидимой собеседнице, но все же совершил требуемые манипуляции.

– Ясно, ждите. Бригада освободится и подъедет к вам, они сейчас по другому адресу.

– А что, лифты по всему городу остановились?

– Нет. Ждите, – явно не расположенная к разговору, собеседница отключилась.

– Да уж, повезло. Ну, ничего... Мы, видимо, не одни такие. Хоть это радует, – произнес мужчина, но изобразить радость в голосе не получилось.

Николай посмотрел на девочку, которая за все это время не издала ни звука и смотрела то на кнопку, то на динамик. Тень улыбки вновь тронула уголки ее губ, но в глазах отчетливо читались растерянность и все тот же испуг.

В динамике опять что-то затрещало и знакомый голос поинтересовался:

– Молодой человек, вы меня слышите?

– Да, что уже едут?

– Скоро выезжают. Сколько вас человек в кабине?

– Двое, а что?

– Ничего. В лифте не курить, и не. ... Ну, в общем, ведите себя прилично.

Видимо, на этом обязанности диспетчера закончились, потому что за обрешеткой вновь послышалось противное шипение и наступила тишина.

Николай прислонился к стенке кабины и посмотрел на часы. «Половина шестого, через полчаса будет звонить Ира». Перед приходом Ирина всегда отзванивалась и спрашивала – надо-ли чего купить в магазине. Чаще всего она оспаривала заказ и приносила что-либо совершенно иное, но, в принципе, оба уже привыкли к этому и поддерживали как добрую традицию.

«Пора бы уже Иришке предложение сделать, надоело жить одному, да и четвертый десяток разменял, время идет. Почти два года вместе, привык к ней. Надо будет намекнуть сегодня, – Николай вновь посмотрел на часы, – хватит ей жить с родителями, пусть уже переезжает».

Сам он жил в двухкомнатной квартире, оставшейся по наследству от родителей, переехавших по программе расселения Крайнего Севера в Вологодскую область. Обычная «двушка» с балконом в панельном доме вполне устраивала и даже порой напрягала в плане уборки, но вот уже два года Николай каждую субботу наводил идеальный порядок – пылесосил, намывал полы и вытирал вездесущую пыль по всей квартире.

«Иришке спасибо» – подумал, и вспомнил первую «чистую» субботу в преддверии прихода девушки. Они познакомились в гостях у общих знакомых и до этого встречались в кафе, ходили в кино, или просто гуляли по улицам, но как-то Коля все же решился пригласить девушку в гости. Ирина дала согласие, договорились на вечер ближайшей субботы, на семь часов. Целый день, с утра до шести вечера Николай выгребал все, что посчитал в тот момент мусором (впоследствии недосчитался многих нужных вещей), протирал пыль везде, где она может и не может находиться. Пропылесосил все что можно, заканчивая ковром на стене и, напоследок, щеткой вычистил светло-голубой ворс паласа, доведя его до идеального состояния. За полчаса до назначенного времени, накрыв журнальный столик приготовленными им же самим яствами, поставил бокалы для вина, свечи для создания романтического ореола и положил купленные специально по этому случаю идеально белые хлопчатобумажные салфетки. Вроде всё. Николай в последний раз критическим взглядом окинул комнату, почувствовал удовлетворение от увиденного и гордый за себя, разделся, бросил одежду в кресло и в одних трусах пошлёпал в душ.

Вышел намытый, тщательно выбритый, приятно пахнущий дорогой туалетной водой, припасенной для особо важных случаев; надел чистую рубашку и отпаренные брюки с острейшими стрелками, новые носки, туфли – не хотелось щеголять в потрепанных домашних тапочках, все же не тот случай. Он причесывался перед зеркалом, когда раздался долгожданный звонок в прихожей. Бросившись к двери, Николай одним движением сгреб лежавшую в кресле одежду и забросил ее в кладовку, заперев на защелку единственное оставшееся пристанище хаоса. Далее все как в лучших фильмах: легкий поцелуй руки в прихожей, помощь снять пальто и приглашение к столу – в зал, блистающий при свете люстры идеальным порядком и нереальным для холостяцкой квартиры великолепием. Особенно в общем фоне выделялись палас и салфетки, но Николай уже ни на что не обращал внимания, глядя лишь на очаровательную гостью. Усадив Ирину на диван, сам примостился на стул напротив и довольно долго

вел светскую беседу, не забывая пополнять бокал и тарелку девушки. Как бы ненароком, в ходе разговора, обратил внимание на идеальный порядок вокруг, в надежде получить заслуженную похвалу. Ирина улыбалась, стараясь смотреть либо на самого мужчину, либо на стену рядом, но не на комнату, которую он так тщательно и самоотверженно готовил к ее приходу.

– Ирочка, обещаю впредь всегда и во всем блюсти такую же чистоту и порядок как в этой комнате, – выдал он в надежде напроситься на комплимент. Жаль было, что его старания остаются не оцененными.

Ирина почему-то смутилась, но все же сказала «спасибо», после чего вновь повернулась к стене.

– Я посвящаю все это Вам, Ирочка, – пошутил Коля, жестом обводя комнату.

– Спасибо, – еще более смутившись, ответила девушка. Решив, что комплиментов все же не будет, и даже немного обидевшись на это, Николай встал, чтобы принести кофе, повернулся к кухне и ...опешил. В стороне от него, как раз в направлении взгляда девушки, на светло-голубом фоне вычищенного до идеального состояния паласа лежали, бросаясь в глаза слишком контрастным по отношению к ворсу темно-коричневым пятном, брошенные, перед тем как принять душ, его старые и донельзя заношенные тапки. Сморщенные, симметрично затертые до дыр на больших пальцах, они выглядели более чем отвратительно.

«Да уж, есть что вспомнить». Николай вновь посмотрел на часы – прошло пятнадцать минут, динамик молчал, девочка так и стояла, глядя то на кнопку, то на неподвижные двери кабины. Было слышно, как хлопает дверь подъезда, шаги и голоса соседей, ругающих сам лифт, монтеров, ЖЭК и всю Россию. Чем выше этаж, тем более глобальный подход к проблеме...

Ожидание угнетало, хотелось хоть как-то ускорить процесс освобождения, и рука невольно потянулась к клавише.

– Что такое? Что-нибудь случилось? – раздалась металлические интонации.

– Нет еще, просто знать хочется, когда нас вызволят отсюда.

– Думаете вы одни такие? Как освободиться бригада, так и подъедут к вам, что я еще могу сделать? – диспетчер явно была раздражена, и Николай вдруг подумал, что она и впрямь ни в чем не виновата, а все претензии достаются в первую очередь все-таки ей. Не успел он высказать свое сожаление, как в шорохе динамика послышались звуки музыки нового сериала.

– Так мы ей мешаем телевизор смотреть..! – от досады и возмущения даже перехватило дыхание, но он тут же взял себя в руки. Ссориться с теткой ни к чему, да и возмущаться не хотелось – все же общий фон настроения оставался благоприятным. Захотелось курить, он уже потянулся в карман за сигаретами, но вовремя остановился, не зная, как отнесется к этому соседка – все же в узкой кабине лифта дыму деваться особо некуда.

Девочка стояла, как и прежде, только опустила глаза и пальцами перебирала ручки полиэтиленового пакета, в котором, судя по форме и объему, были книги. Она выглядела школьницей – («не больше шестнадцати» – решил Николай) – худенькая, невысокого роста с фигуркой мальчишки. Мужчине показалось, что соседка наблюдает за ним, но утверждать это было невозможно из-за низко опущенной на глаза вязаной шапочки.

– Ну что, соседка, устала уже ждать? – решил он нарушить молчание.

Девочка помотала головой и, посмотрев на него, слегка пожалала плечами, что, видимо, обозначало «все равно куда не денешься».

– Ну, давай знакомиться, – предложил мужчина неожиданно, – сколько еще сидеть – неизвестно. Меня Коля зовут.

Хоть и шел уже Коле четвертый десяток, не мог он привыкнуть к претенциозному «Николаю Алексеевичу», поэтому во всех случаях, за небольшим исключением каких-нибудь официальных церемоний, представлялся просто и однообразно. В принципе, это фамильярное «Коля» больше соответствовало его внешности. Приближаясь к так называемому «возрасту Христа» мужчина выглядел лет на пять моложе. Благодаря ежедневной зарядке его тело сохра-

няло прекрасные формы атлета, а не наполнялось жирком в проблемных для этого возраста местах. Светло-русые аккуратно подстриженные, но не послушные волосы зачёсаны набок в тщетной попытке обозначить пробор. Тщательно выбритое, правильной формы лицо хранило печать беззаботности, присущей подросткам. Голубые глаза, обрамлённые длинными пушистыми, даже несколько девичьими, ресницами, в полной мере отражали интеллигентность и недюжинный интеллект их обладателя. Лишь взгляд да паутинки неглубоких морщин в уголках глаз вкупе с двумя более глубокими бороздами на лбу могли дать внимательному собеседнику более реальное представление о возрасте мужчины. В принципе, многие считали Николая симпатичным и сам он, в этом случае, не пытался оспаривать мнение большинства...

– ...Меня Коля зовут...

Удивление вновь проскользнуло в глазах девочки. Она не ожидала ни такого предложения, ни, тем более, такого представления от этого взрослого мужчины. Немного помолчав, негромко произнесла:

– Анжелика.

«Ничего себе, красота какая» – Николай почему-то даже растерялся. Среди его знакомых ни одной Анжелики не было, это имя он слышал лишь по телевизору, да и, как-то давно, читал в романах французов Анн и Сержа Голон.

– Уж не маркиза ли ангелов?

Девочка улыбнулась, видимо слышала этот вопрос не впервые. Похоже, у многих красивое имя ассоциировалось лишь с классикой мировой литературы.

– Нет. Просто мама захотела так назвать.

В этот момент в кармане мужчины запищал мобильный телефон. Достав его, Николай увидел высветившееся имя подруги.

– Аллю. Привет.

– Привет, Коленька, скоро уже приеду, чем занимаешься? – привычка Ирины говорить по телефону, произнося фразы на одном дыхании, всегда удивляла; зачастую казалось, что она даже не меняет интонацию, пока не закончит предложение.

– В лифте застрял, жду монтеров. А ты где?

– Ясно, хорошо. Я уже выхожу, что купить в магазине?

Видимо Ирина даже не поняла, что именно сказал Николай. Попросту не обратила внимания, да и, похоже, вовсе не нуждалась в ответе, занятая совершенно другими мыслями. Звонок являлся лишь соблюдением все той же традиции.

«Что говорить, скоро монтеры приедут, пока доберется – уже выйду отсюда» – мужчина решил не акцентировать внимание на своей проблеме и продолжил:

– Не знаю, посмотри сама что хочешь.

– Хорошо, скоро уже буду. Целую.

– Целую, – едва успел он ответить, как в трубке послышались гудки и Николай убрал телефон в карман. Рука вновь нащупала пачку сигарет, он хотел было вытащить ее, но, взглянув на девочку, решил все же потерпеть. Соседка, заметившая его быстрый взгляд, резко сжалась и приподняла голову, но тут же плечи снова опустились, и она перевела взгляд на пол. Николай понял – девочка или стесняется его или же боится и, чтоб хоть как-то успокоить её, поинтересовался, готовый предложить свой сотовый:

– Анжелика, у тебя родители-то не будут беспокоиться, что ты пропала?

«Откроют лифт, еще подумают невесть что – взрослый мужик да испуганная малолетка – потом оправдывайся».

Его вдруг начало напрягать и соседство, и состояние девчонки, и само ожидание в неизвестности. Николай не любил ситуации, когда от него ничего не зависело, и не было возможности участвовать в каком-либо – имеющем непосредственное к нему отношение – процессе, а требовалось лишь смиренно ждать разрешения вопроса.

– Нет, не будут, – с неожиданной и от того совершенно непонятной злостью буркнула в ответ Анжелика.

– Если хочешь, позвони. Вот телефон, – Коля уже потянулся в карман, чтобы достать мобильник, но девочка вновь вся сжалась и резко ответила:

– Нет. Спасибо.

– Ну, как хочешь, мое дело предложить.

Он не понимал злости, которая послышалась в голосе соседки, но решил не настаивать – видимо дома у девочки не все в порядке.

«Наверняка переходный возраст. Родители не понимают, объяснить ничего не хочет, вот и психует. Пройдет, у кого не бывает...»

– Учишься, Анжелика? – решил перевести тему мужчина. Не хотелось заканчивать разговор после такой неадекватной реакции на совершенно искреннее предложение помощи.

– Да, учусь.

– Наверное, заканчиваешь школу, к выпускному готовишься? – выдвинул предположение Коля. На дворе стоял март, и, по его мнению, все выпускницы уже думали лишь о прическах и новых платьях для выпускного бала.

– Нет, в пединституте, на первом курсе.

Николай вновь растерялся. Девочка уже второй раз привела его в смятение – сначала необычно красивым именем; теперь, оказавшись старше, чем он предполагал.

«Лет семнадцать должно быть, если не больше. Не скажешь...»

– И кем же будем – математиком, или ботаником? – сам не зная почему, Николай ограничил круг преподавателей двумя специальностями.

– Преподавателем начальных классов, – с некоторой официальностью в голосе произнесла Анжелика. Мужчина кивнул, видимо одобряя сделанный выбор.

– Значит, детишек будем уму-разуму учить. Молодец.

– Просто вакансии были лишь на эту специальность, – не обратив внимания на похвалу, и не совсем в тему ответила девочка.

– Это дело хорошее. – Николаю захотелось сказать ей что –нибудь приятное. Голос девочки звучал по-прежнему минорно и эта интонация вызвала в душе мужчины желание хоть чем-то приободрить Анжелику. – Для детей первый учитель, как и родители, самый главный человек в жизни. Ведь как он начнет, так дальше и будет: сможет привить детям желание учиться – выйдут образованными, не сможет – будут мучаться до выпускного.

Он вспомнил самого себя в уже такие далёкие школьные годы. Тёмно-синюю, одинаковую для всех мальчиков, форму, потрёпанный ранец, руки, вечно заляпанные чернилами, зеленые парты и скрипящие стулья, да вечное, порой невыносимое желание смыться домой.

– Все зависит от ребенка – поддержала разговор девочка. – Если он избалован, то и в школе ему будет трудно собраться. Родители должны закладывать основание, учителя же – поддерживать и развивать начатое, но это практически невозможно.

– Почему? – заинтересовался Николай. Он не ожидал такого пространственного, и, в какой-то степени, слишком «взрослого» ответа.

– Но ведь на одного учителя приходится, как минимум, двадцать детей – за всеми не уследишь, всех не услышишь. Кто более стеснительный или не так быстро соображает – остаются в стороне, а два – три человека с первых же дней вырываются вперед и становятся «любимчиками». Они в фаворе, но остальные не виноваты в том, что выбрали не их, – в голосе Анжелики прозвучали нотки обиды. Видимо она сама входила в неопределённое число «остальных».

Николай никогда не задумывался над этим, но сейчас согласился, что девочка по-своему права. Он и сам был из тех, которые «в стороне», поэтому твердая репутация «посредственного ребенка» и «троечника» преследовала его до окончания школы. Также как другие он ненавидел «любимчиков», строил им всевозможные пакости (порой даже до драк доходило), и всячески

портил «ботаникам» и «зубрилам» жизнь. Сейчас уже можно признаться, что на самом деле не было ненависти как таковой, лишь зависть и собственные страхи. Коля был умным, но стеснительным мальчиком и выделяться из общей массы, быть объектом насмешек одноклассников попросту боялся. Проще было слиться с толпой в этой необъявленной войне отличникам, чем пытаться противостоять наибольшему числу учеников, а не обращать внимания на других, пусть даже совершенно несправедливых в своих суждениях, людей, он еще не умел. Осознание того, что он может быть таким же «любимчиком», что он не глупее этой стайки избранных, а в чем-то даже превосходил их, вкупе со страхом стать изгоем, «ботаником», «зубрилой» и терпеть те же насмешки и издевательства, многократно увеличивало его злость. После уже, лет через пять после окончания школы, Николай, вспоминая то время, остро чувствовал стыд по отношению к тем, кто нашел в себе смелость «быть умным».

– Может еще вызвать диспетчера? – оторвал от воспоминаний негромкий голос Анжелики.

– Давай попробуем. Хотя, мне кажется, это мало что изменит. – Николай вновь нажал на желтую клавишу.

– Слушаю, – раздался в тишине знакомый голос.

– Не скажете, когда на свободу? Засиделись мы уже...

– Шутите, значит все в порядке. Подождите еще немного, уже едут, – обнадежила женщина и сразу отключилась.

Николай прислонился к стенке и расстегнул молнию куртки. Хотя весна уже вступала в свои права, и мартовское солнце пригревало довольно хорошо, он не торопился снимать теплую подстежку с кожанки – каждый год первые теплые деньки словно по графику заканчивались для него простудой. В очередной раз глотать таблетки да пить всевозможные микстуры не очень хотелось.

Раздался звук расстегиваемой молнии. Девушка, видимо тоже почувствовав себя неуютно, расстегнула ворот – стоечку и, немного подумав, сняла вязаную шапочку. Волна каштановых волос рассыпалась по узким плечикам, челка сразу упала на глаза, но отработанным жестом она откинула ее на бок и посмотрела на Николая. Теперь мужчина смог разглядеть соседку без закрытого поднятого ворота курточки, да низко опущенной на глаза шапки. Каштановые волосы обрамляли бледное, правильной формы личико с чуть выдающимися скулами. Тонкий, слегка вздернутый носик, аккуратные дуги бровей и большие, зеленые, выразительные глаза. В них не было той жеманности, любопытства или же превосходства и пренебрежительности, которые так присущи взглядам девочек в этом возрасте. Лишь грусть, да примешанная к ней обреченность. Контраст между взглядом и общим впечатлением поражал своей неправдоподобностью, невозможностью, казалось, что глаза принадлежат другому человеку. Анжелика чуть улыбнулась уголками припухлых губ, на щеках тут же обозначились довольно милые ямочки, но глаза оставались по-прежнему грустными. Николай отвел взгляд и в этот момент вновь ожил мобильный.

– Коленька, ты где, почему не открываешь, я уже и звоню и стучу – все без ответа? – Ирина уже дошла до его дверей и была озадачена внезапным отсутствием Николая. Своих ключей у нее не было, хотя он и пытался пару раз вручить ей запасной комплект, но женщина отказывалась под тем предлогом, что без него ей все равно здесь делать нечего. Сам же Николай предполагал, что Ирина вначале ждет предложения переехать и лишь поэтому не хочет переходить определенные рамки, позволяющие ей являться к нему домой в любое время.

– Ирочка, я же говорил, что застрял в лифте, до сих пор не могу выйти. Так что я рядом, – заключил он с улыбкой.

– Господи, как же тебя угораздило?

Кого именно угораздило – Господа или все же его самого, Николай не понял, но на всякий случай ответил:

– Со всеми бывает, что такого?

В трубке слышались гудки и, в это же время, откуда-то сверху раздался нерешительный оклик:

– Коля?

Судя по слышимости, между ними было три или четыре этажа и Николай, поднапрягшись, негромко крикнул: «Здесь».

Акустики в шахте лифта не было никакой, голос прозвучал как из могилы, что вызвало у эмоциональной Ирины вполне оправданную для нее реакцию. Оставив сумки на площадке седьмого этажа, Ирина бросилась вниз, громко стуча каблучками по ступенькам и окликая его на каждом этаже в закрытые створки лифта. По мере приближения голоса девушки Николай догадался, что застряли они между вторым и третьим, поэтому своевременным: «Я здесь!», – остановил многоэтажный забег своей подружки.

– Коленька, как ты там, ты один, давно сидишь? – видимо сбившееся после марафона дыхание не дало сказать больше, так как Ирина замолчала довольно внезапно.

– Да нет, с соседкой мы здесь. Уже час сидим, – слышимость была хорошая, поэтому кричать не требовалось и Николай, в отличие от Ирины, говорил спокойно.

– Там кнопка желтая, «вызов», ты нажимал?

Вопрос вызвал улыбку и у него, и у девочки, которая до этого молча, без каких-либо эмоций, слушала диалог мужчины подругой.

– Ну конечно, нажимал, обещали скоро приехать.

– Ты как себя чувствуешь, голодный, наверное? Потерпи еще немного, Коля, я что-нибудь придумаю, сейчас позвоню куда-нибудь, – Ирина явно намеревалась развить бурную деятельность по его освобождению, хотя особо не представляла куда обращаться. Ее излишняя суетливость вновь вызвала улыбку у Анжелики, и Николаю стало даже неловко перед этой девочкой. – «Взрослый мужик, а Ирка как с маленьким. Еще бы спросила – не хочу ли я в туалет...».

В это время внизу хлопнула входная дверь, раздалось мужские голоса. Кто-то на первом этаже постучал в двери лифта и позвал:

– Есть кто живой?

«Слава Богу, наконец-то приехали». Николай тоже пару раз стукнул по стенке и крикнул в ответ:

– Здесь мы, между вторым и третьим.

Судя по голосам, двое мужчин прошли наверх, а третий остановился на площадке, где в ожидании застыла взволнованная Ирина.

– А вы чего ждете, девушка? Лифт не работает, пешком ступайте.

– У меня муж там, вас жду. Давайте, открывайте быстрее, уже полдня там сидит, – несколько преувеличила объемы трагедии Ирина.

– Сейчас сделаем, – ответил мужик и слышался звук открываемых дверей, – отойдите подальше, поднимать будем.

Он негромко сказал: «Давай вира!» в висевшую на груди рацию, наверху слышался скрип, и кабина, дернувшись, начала медленно подниматься.

Через пару минут Николай вышел на площадку третьего этажа и тут же попал в объятия Ирины, встретившей его так, словно она и не чаяла увидеть его живым и здоровым. Сзади раздалось тихое «спасибо» и боковым зрением он заметил, как на верхней площадке мелькнула красная курточка.

На следующее утро Николай проснулся раньше обычного, до привычной трели будильника было еще сорок минут. Вставать не хотелось, он вновь закрыл глаза, но попытка поспать хоть немного оказалась тщетной. Вспомнил вчерашний вечер и почувствовал подступающее раздражение. Вчера он в первый раз поссорился с Ириной, даже не сказать что поссорился – так, не совладал с эмоциями, Ирина же, прочувствовав ситуацию, вовремя ретировалась. Сей-

час уже трудно было сказать, что именно послужило поводом для срыва – застрявший лифт, причитания Ирины, или же неловкость, которую он испытал перед девочкой с грустными глазами. Скорее все вместе. Не хотелось вновь перебирать в памяти прошедший день, и Николай, отбросив неприятные мысли, вылез из-под одеяла и подошел к окну. Отдернув шторы, залюбовался открывшимся взору пейзажем. Его дом находился на окраине города, на горке, и поэтому вид открывался действительно великолепный. Окна выходили на восток и утреннее солнце освещало заснеженный лес и белую гладь далекого озера. Все искрилось, играло; снег, еще не покрытый черными, грязными пятнами проталин, светился необычным голубоватым светом, превращая обычный картинку в сказочные сюжеты. На какое-то время мужчина невольно застыл у окна, любясь началом нового дня, но пора было собираться на работу. С превеликим трудом оторвавшись от созерцания природного великолепия, он побрел в душ.

Наскоро позавтракав бутербродами с кофе, он оделся и выскочил на площадку. Времени оставалось в обрез – через двадцать минут начиналась утренняя планерка, опаздывать нельзя, а бежать не хотелось. Бросив взгляд на кабину лифта, Николай сразу же вспомнил Анжелику и посмотрел на соседнюю дверь. «Интересно, если бы сейчас она вышла – поехала бы, или подождала, пока лифт вернется»? Он не относил себя к суеверным людям, но не знал, как поступил бы в такой ситуации сам. Вроде и бред, а кто его знает... Скорей всего, пошел бы пешком вниз, якобы для здоровья.

Подъехала кабина и Николай, войдя в нее, почувствовал знакомый запах духов. Он совершенно не смыслил ни в составе духов, ни в слагающих их компонентах, но определенно знал, что это был тот же самый запах. Сладко-горький, не резкий, а наоборот, не навязчивый, но проникающий, казалось бы, в самые глубины организма аромат запоминался, или же, во всяком случае, запомнился ему.

«Интересно, о чем она думала, когда спускалась? Хотя в ее возрасте обращать внимание на такие мелочи не стоит. Скорей всего, Анжелика уже забыла досадное приключение, ну, или не придает ему совершенно никакого значения. В принципе, оно и правильно».

Подумав о возрасте Анжелики, Николай тут же вспомнил ее глаза и снова почувствовал поднимающееся изнутри тепло. Вчера, когда они встретились взглядами, ему точно так же, совершенно неосознанно захотелось сказать что-нибудь доброе, просто выразить каким-то образом ту нежность, которая появилась из ниоткуда и не поддавалась разумным объяснениям. Телефонный звонок Ирины вчера вывел его из этого состояния, и Николай не обратил на него особого внимания, но, сейчас же, вновь ощутив нечто подобное, удивился. Он не помнил, чтоб когда-либо ранее испытывал подобную симпатию по отношению к незнакомому человеку.

Мужчина хлопнул входной дверью и вышел на крыльцо. Двор уже был заполнен спешащими на работу людьми, работали разогреваемые двигатели машин на стоянке. На соседнем крыльце дворничиха, баба Маша, убиралась в мусоропроводе. Жизнь была ключом, тем более что погода стояла великолепная – ветра не было, свисавшие с крыши подъезда сосульки уже роняли тяжелые звонкие капли, чирикали вечно голодные воробьи, и во всем ощущалось наступление долгожданной весны.

Николай спрыгнул с крыльца, и, зайдя за угол дома, увидел алеющее на снегу сердечко со связкой ключей. Он сразу узнал этот брелок – несколько раз видел в руках у Анжелики, и запомнил бросающийся в глаза, яркий кусок пластмассы. Подняв связку, задумался.

«Отдать ключи бабе Маше? Так она не в нашем доме живет, уберется и уйдет, ждать не будет. Положить под коврик – найдет кто другой и что? Может кто из родителей дома, пока не ушли?»

Николай забежал обратно в подъезд, лифт находился на первом этаже и через полминуты он уже звонил в дверь Анжелики. Слышно было, как надрывается соловей (первые звонки с трелью, у него стоял такой же), но ни шагов, ни вообще звуков больше не доносилось. Позво-

нив еще раз и для перестраховки постучав в дверь, но так и не дождавшись ответа, Николай спустился и вышел на крыльцо. Баба Маша уже перетащила свои коробки к их подъезду и продолжала «творческую» работу с прежним энтузиазмом.

– Баб Маш, здравствуй. Ты всех жильцов знаешь? – оторвал ее от дела Николай.

– Ну, почти! Чай уже десять лет здесь убираюсь. А чего хотел-то, милоч? – дворничиха прищурилась.

– Не знаешь, кто у нас в двадцать шестой живет? Девочка еще у них, Анжеликой зовут.

Баба Маша на пару секунд призадумалась, но тут же её морщинистое лицо оживилось.

– Знаю, конечно, она и живет, одна-оденешенька, бедняжка. Они переехали полтора года назад, а вскоре мамка с папкой на машине разбились. А ты что же, не помнишь, прошлым летом хоронили их?

Николай не помнил. Он вообще этого не знал, так как все лето провел в трудовом лагере, куда ездил на две смены инструктором по физической подготовке. Городская школа-интернат выезжала в Краснодарский край и знакомый Николая – воспитатель в этой школе – предложил ему отдохнуть и подзаработать денег. Грех было отказываться от такого предложения....

– Нет..., – мужчина растерялся. Он припомнил, как настойчиво предлагал девочке позвонить родителям «чтоб не беспокоились», неожиданное ожесточение, прозвучавшее в ее голосе, свои мысли о беспорядке у нее дома, и ему стало неприятно.

«Вот дурак – лез со своим телефоном.... Позвони родителям.... Но ведь не знал, что уж теперь... – Николай пытался оправдаться перед самим собой, но чувство досады не оставляло. Он положил ключи в карман и спустился с крыльца.

– А чего хотел-то? – явно разочарованная скорым окончанием разговора, баба Маша не могла так просто отпустить его – все же любопытство разобрало и требовало удовлетворения.

– Нет... ничего. Я так... просто – отрешённо произнес мужчина, уже заворачивая за угол.

Баба Маша покачала головой, но осознав, что больше ничего не добьется, в недоумении пожала плечами и повернулась к своим коробкам.

«Ладно, днем придумаю что-нибудь». Николай уже опоздал на планерку, надо было срочно придумывать оправдание. «Скажу, что в ОВД заходил, сводку смотрел».

Он уже пятый год работал в редакции местной газеты, вел криминальную хронику. Особой загрузки не было, городок был небольшой, редко происходило что-то из ряда вон выходящее, поэтому в свободное время Николай занимался подборкой материала по истории города. Работа не пыльная, платили неплохо, без задержек, начальство нервы не трепало. Можно сказать, что большую часть времени он принадлежал самому себе, поэтому его все устраивало.

Через двадцать минут мужчина заходил в дверь редакции, которая занимала две смежные трехкомнатные квартиры на первом этаже обычной «хрущевки», стоящей в центре города.

Едва он пересек порог, из своего кабинета выплыла Ираида Павловна – главный редактор и высшее руководство в одном лице. Это была полная женщина с добрым лицом и мягким, вкрадчивым голосом. Она называла издательство не иначе как «своим детищем» и гордилась до глубины души каждым выпуском еженедельника. Почтенный возраст и добродушный склад характера давали ей право обходиться со всеми работниками снисходительно ласково, люди привыкли и не обижались на редакторшу. Вот и сейчас, увидев опоздавшего Николая, она встретила его совершенно спокойно.

– Коленька, деточка, опять задерживаешься. Нехорошо, наказывать буду.

Николай не испугался, так как наказания в редакции отсутствовали вовсе. Ираида Павловна считала что весь персонал – начиная от внештатных корреспондентов и заканчивая ей самой – люди творческие, и у каждого есть свое время для вдохновения; заставить кого-либо творить невозможно, так как создано будет «без души», лишь плохо сформированные мысли лягут на бумагу, а это уже получается какой-то «протокол собственного допроса». Надо признаться, многие пользовались настоящим предубеждением доброй женщины и постоянные

опоздания и уходы с работы по личным надобностям относились не иначе как к «творческому процессу».

– Простите, Ираида Павловна, проспал, – прибежал Николай к легкой лжи. Врать не хотелось вовсе, но и объяснять тоже. Редакторша обладала редкой силой интуицией, и любую, даже маломальскую, ложь чувствовала моментально.

– Ладно, дело молодое. Иди, твори, Коленька, – и она удалилась к себе. Профилактическая беседа была проведена.

Николай прошел по коридору и открыл дверь с металлической табличкой, на которой были выгравированы его фамилия и инициалы. Эти таблички были идеей все той же Ираиды Павловны, которая считала, что проходящие в редакцию посетители должны сразу почувствовать, что общаются не с кем-нибудь, а с «гениями мысли», имеющими собственные кабинеты с именованными указателями на дверях.

Внутри небольшой комнаты стоял письменный стол с компьютером и печатной машинкой – Николай не любил «достижение цивилизации» и предпочитал печатать по старинке. В целом, в помещении царил спартанский обстановка. В углу – трехпалая стойка с крючками для одежды, кресло для посетителей, да тумба с чайником и парой стаканов. Единственным украшением кабинета был настенный календарь с цветными фотографиями родного города.

Мужчина снял куртку и повесил на вешалку. В кармане, ударившись о железную стойку, глухо звякнули ключи. Он достал связку и задумчиво повертел в руках.

«Черт, надо что-то делать. Отпроситься, да ждать возле дома? Глупо, можно до вечера просидеть. Пойти в институт, отыскать Анжелику, если получится?» Николай обошел стол и, открыв справочник, нашел адрес филиала ВУЗа.

Идея пришлась по душе, да и мыслей по существу больше никаких не было, поэтому, прихватив куртку, Николай вышел на улицу. Филиал института находился через пару кварталов от редакции, всего минут десять ходьбы. Ласковое мартовское солнце пригревало. Он побрел через дворы, наполненные старушками, да молодыми мамами с колясками – теплая погода располагала к прогулкам и к «светским разговорам» под окнами.

Пристанище науки разместилось в старом, недавно отреставрированном здании бывшей библиотеки. Николай никогда раньше не заходил сюда и не представлял себе, как будет искать Анжелику, но решил положиться на удачу. Толкнув массивную дверь, сразу понял, что удача благосклонна к нему – судя по всему как раз был перерыв между «парами» и, наверное, большая часть студентов находилась в холле: кто разговаривал по мобильному, кто обменивался последними новостями и сплетнями, кто бесцельно слонялся из угла в угол. Возле стенда с расписанием мужчина увидел Анжелику. Она стояла к нему боком и что-то выписывала в небольшой блокнотик.

– Здравствуй, соседка.

Анжелика вздрогнула и резко повернулась. Блокнотик вылетел из рук и шлепнулся на пол. Несколько страничек, исписанных аккуратным мелким почерком, ворохом разлетелись по серому, затёртому множеству ног, кафелю. Они одновременно бросились поднимать их, и Николай, взяв пару листков, заметил, что они исписаны стихами, но Анжелика буквально вырвала записи у него из рук.

– Увлекаешься поэзией? И кто больше всего близок по духу? – улыбнулся мужчина.

Девушка покраснела и быстро спрятала книжку в карман.

– Вы его не знаете. Просто кое-что нравится, случайно нашла в Интернете страничку.

Видно было, что она не хочет говорить на эту тему, и Николай не стал настаивать, тем более что в ее взгляде прочитал запоздалое удивление.

– А Вы что здесь делаете? Тоже учитесь?

Николай улыбнулся:

– Да нет, хотя с удовольствием поучился бы, но... Я свое уже прошел, теперь ваша очередь.

– А Вы где учились?

– В Питере, на экономическом.

– Я тоже хотела на экономику, но у нас нет, а платно слишком дорого.

Николай опустил глаза, чтобы девочка не заметила вдруг вспыхнувшего в них сочувствия по отношению к ней. Он не знал, как отреагирует Анжелика, но очень редко встречал людей, которым по душе, когда их жалеют. Тем более что соседка не догадывалась о его осведомленности.

– А Вы кого ищете? – Анжелика уже справилась со своими эмоциями, и теперь её зелёные глаза излучали уверенность и желание помочь.

– Да тебя и ищу, – спохватился Николай, на время забывший о цели своего прихода, – я же тебе ключи принес, растеряша.

Он сунул руку в карман, затем в другой, хлопнул себя по брюкам, и в недоумении уставился на Анжелику. Вид у него был еще тот, девушка улыбалась, но в глазах явно читалось непонимание.

– Я ключи твои нашел, – справился с растерянностью мужчина, – но, похоже, на работе их оставил.

Коля припомнил, как искал в справочнике адрес ВУЗа, а перед этим крутил ключи в руках. «Значит, на столе и положил. Ну, и кто из нас растеряша?»

– Ой, и правда потеряла, – Анжелика уже посмотрела пакет и проверила карманы, – как же я домой попаду?

– Когда у тебя учеба заканчивается?

– Да уже все, сегодня две пары всего было.

Николай посмотрел на соседку:

– Слушай, до моей работы десять минут ходьбы. Дойдем, и получишь свои ключи. Хорошо?

Девушка пожала плечами и первой пошла к выходу, Николай двинулся за ней, и, уже подходя к дверям, увидел, что к ним быстрым шагом от противоположной стены направляется молодой высокий парень.

– Лика, подожди – окликнул он девушку хриловатым голосом. Русая челка опускалась на глаза и он откидывал ее назад, резко мотнув головой. Под облегающей водолазкой виднелись бугры неплохо накачанных мышц, но мужественности в нем не было ни на грамм. Скорее смазливость и осознание вымышленного превосходства над прыщавыми и худыми сверстниками.

Девушка повернулась. Парень подошел уже нарочито спокойным шагом, облизнул губы и, глядя прищуренными глазами сверху вниз на Анжелику, развязным тоном произнес:

– Помнишь, о чем мы договорились, Лика?

– Я все помню, звони...

Видно было, что девушка не особо хорошо относится к оппоненту, но, все-таки она изобразила подобие улыбки и слегка кивнула ему, поворачиваясь к двери. Парень окинул Николая оценивающим взглядом и, не обнаружив в нём соперника, с неприятной ухмылкой двинулся обратно.

Они вышли на улицу. Девушка была явно раздражена, весь ее вид говорил о том, что встреча с однокурником положительных эмоций не добавила.

– Что-то не так? – Николай удивился её реакции, хотя и ему самому парень совершенно не понравился. Но это ему, девчонки от таких пижонов пищат...

– Нет, просто надоел он мне. Говорит что нравлюсь, а сам на всех подряд бросается, – в ее голосе слышалось отвращение, – Чтоб отстал, дала номер телефона, обещал вечером позво-

нить. О чем с ним говорить? – видимо этот вопрос озадачил Анжелику, она замолчала, задумавшись.

– Так не бери трубку. Позвонит пару раз, да успокоится.

– А вдруг другой кто? Откуда я знаю, во сколько он решит меня осчастливить?

Логично. Николай не подумал об этом, предлагая свой вариант решения проблемы.

– Ладно, придумаю что-нибудь, – вздохнула девушка, видимо в голову ничего не приходило. Она подняла глаза к солнцу и зажмурилась. – Как хорошо сегодня, наконец-то весна пришла.

Погода действительно не располагала к мрачным думам и Николай обратил внимание, что лицо Анжелики заметно посветлело – она отвлеклась от мыслей о предстоящем звонке. Солнце слепило, после помещения приходилось щуриться, глядя под ноги. Теми же дворами, какими ранее он шел в институт, они двинулись в сторону редакции. Мужчина чуть впереди, перепрыгивая через ручейки и появившиеся лужи, девушка за ним – след в след, старательно попадая на отпечатки его ботинок. Получалось не очень хорошо, и пару раз, поскользнувшись, она уже испробовала все прелести талого снега – видно было, что сапоги промокли насквозь. Преодолев коварные тропинки и выйдя на вполне приличную дорогу, расчищенную с утра дворниками, мужчина обернулся. Анжелика все еще смешно прыгала через лужи, высоко поднимая ноги и неловко взмахивая руками. В ее движениях трудно было усмотреть присущую женщинам грациозность, плавность движений. Девушка скорее походила на маленького аистенка, вышагивающего по болоту вслед за длинноногими родителями. «Совсем ребенок», – улыбнулся Николай. Анжелика, подняв голову, заметила его улыбку и выскочив на дорогу, сходу спросила:

– Смешно прыгаю?

– Есть немного. Но ничего, до лета еще далеко, натренируешься.

– Да уж, придется. Промокла насквозь... – девочка с грустной улыбкой посмотрела на сапожки, блестящие от влаги.

– Пошли быстрее, еще заболеешь. Возьмем ключи и вызовем такси – хватит тебе гулять сегодня.

В интонации Николая сквозила твердость и в то же время забота. Девушка прочувствовала это, и улыбка стала несколько виноватой...

Через пять минут они забрали ключи – Анжелика осталась на улице, а Николай под укоризненные взгляды Ираиды Павловны зашел в редакцию газеты и вызвал такси. Старенькая четверка с угрюмым молчаливым водителем – пенсионером довезла их до дома довольно быстро, что было удивительно – весенние дороги оставляли желать лучшего.

Перед домом девушка достала кошелек, но, наткнувшись на сердитый взгляд Николая, тут же спрятала его обратно в карман, не желая испытывать судьбу. Они вошли в подъезд – в тишине промокшие насквозь сапоги Анжелики смешно чавкали, – и вызвали лифт.

– Не боишься со мной ехать? – поинтересовался мужчина.

– А чего бояться, мы же соседи – Анжелика не поняла подоплеку вопроса, и интерпретировала его по-своему. Николаю, услышавшему такой ответ, стало неудобно. Он почувствовал, как неудержимо краснеет от стыда. Слава Богу, в подъезде стоял полумрак, и после яркого солнца глаза еще не привыкли к тусклому свету лампочки. Надо было срочно выпутываться из щекотливой ситуации.

– Да я имел в виду, что застрять можем. Не боишься снова в лифте просидеть?

Теперь настала очередь девушки краснеть. Анжелика потупила взгляд и румянец начал заливать бледное лицо. Она резко отвернулась, но ничего не ответила. Молча благополучно поднялись на свой этаж, и, уже подходя к своим дверям, Анжелика вдруг обернулась.

– Ой, я Вам даже спасибо не сказала за ключи. Извините... спасибо большое, – она на секунду запнулась и тихо произнесла, – Николай.

Видно было, что ей неловко обращаться к нему без отчества. Мужчина улыбнулся.

– Да не за что, смотри не заболей.

Он зашел в квартиру и услышал, как хлопнула дверь Анжелики. Не раздеваясь, прошел на кухню. Сев за стол, закурил. Не хотелось ни делать что-нибудь, ни идти куда-то. За окном светило яркое солнце, в открытую форточку врывались звуки проезжающих машин и громкие голоса гуляющих в садике детей.

Николай чувствовал умиротворение. На душе было тепло и спокойно, ленивые мысли не тревожили и вообще не заостряли внимание на чём-либо. Любые вопросы казались несущественными. Он откинулся спиной к стенке и прикрыл глаза. Не хотелось перебивать иллюзорное ощущение легкости, которая обволакивала тело, проникала во все клеточки и несла с собой ту невыносимо приятную слабость, которую испытывает уставший человек, растянувшись наконец-то на кровати и отрешившись от всего происходящего вокруг.

Дотлевшая до фильтра сигарета больно обожгла пальцы и приятные ощущения мигом испарились. Коля бросил окурочок в пепельницу и встал. Надо готовить что-то на ужин, а запасы продуктов – насколько он помнил – были исчерпаны. Открыв холодильник, грустно улыбнулся – добрую половину запасов составляли открытые и благополучно забытые ополовиненные консервы, остальное место принадлежало фруктам, купленным Ириной в тщетной надежде пополнить его организм витаминами. Все эти яблоки, апельсины, бананы и многое другое, отлежав в холодильнике положенные сроки, перемещались в мусорное ведро, чтоб освободить место для новой партии. И как бы Николай ни просил Ирину больше не пополнять запасы, та все равно упорно тащила набитые до верху сумки.

Довольно быстро обернувшись с покупками, благо магазин располагался во дворе и очередей в это время не было – большая часть жителей близлежащих домов находились на работе – Николай за пару часов справился с приготовлением обеда, которого, судя по объему, хватит дня на три. Готовить ему нравилось, да только вечная лень не позволяла заниматься этим ежедневно, так что меню изменялось пару раз в неделю и особым разнообразием не отличалось. Существенные перемены приносила в это дело Ирина, но тоже довольно редко, так как Николаю было стыдно перед подругой, и он любыми способами старался выманить ее из кухни.

Плотно пообедав, мужчина добрался до дивана и погрузился в дебри купленного неделю назад очередного творения звезды детективного жанра. Книжка читалась легко, абсолютно не напрягая. Хотя Николай в первый же вечер, дойдя лишь до пятой главы, мог предсказать развитие событий и имя преступника, заканчивать на этом чтение не хотел – интересно было, совпадет ли его сюжет с фантазией автора, но заглядывать в конец книги он считал все же нечестным. Пока что все вполне соответствовало догадкам, и мужчина был удовлетворен собственной проницательностью. Прочитав пару страниц, почувствовал, как веки наливаются тяжестью. Строки начали плыть перед глазами и, в конце-концов, сон одержал победу над преступностью.

Звонок в дверь резко вернул в действительность, Николай даже не понял сразу – пришло к нему это, или нет, – но настойчивая трель вновь разорвала тишину квартиры. На ходу протирая заспанные глаза, он рванулся в прихожую. Едва открыв дверь и увидев Анжелику, понял – произошло что-то из ряда вон выходящее: мокрая футболка, капли воды, стекающие по рукам и лицу, выражающему крайнюю растерянность и даже панику:

– Помогите, пожалуйста, у меня кран прорвало, топит...!

Анжелика показывала рукой на свою квартиру, откуда через открытую дверь доносилось журчание водопада. Николай в одних носках пролетел через площадку и сразу оказался в луже ледяной воды. Дверь в ванную была открыта нараспашку, из проёма во все стороны разлетались брызги. Ноги промокли насквозь, когда он с трудом добрался до крана и сориентировался, что же произошло. Кран-бухса холодной воды была выкручена наполовину, струи веером рассыпались по всей ванной. Мужчина быстро перебежал в туалет и завернул краны на трубах, фонтан начал иссякать, и вот уже последняя тоненькая струйка с журчанием разбилась

об эмаль ванны. Анжелика с ведром и тряпкой проворно убирала крупную лужу, но воды было столько, что изменений не наблюдалось. Николай, хлюпая по холодной жидкости заочевшими ногами, прошел обратно в ванную. Схватив какую-то футболку, стал помогать девушке. От холода заболели ступни; брюки и рубашка, попавшие под веер брызг, омерзительно липли к телу.

Через какое-то время лужа на полу пошла на убыль. Анжелика, подтерев в прихожей остатки наводнения, помогала ему, и мужчина наконец-то смог передохнуть и оглядеться. В ванной творился самый настоящий кошмар. По стенам спускались блестящие дорожки влаги, все, что ниже уровня плеча, было залито. По всей видимости, девушка пыталась сначала справиться своими силами, но, не одолев разбушевавшуюся стихию, побежала за помощью. Он посмотрел на себя в висевшее на стене зеркало. Отражение вызвало печальную улыбку – взлохмаченные мокрые волосы, румянец от напряженной работы, прилипшие к телу рубашка и брюки. Да уж...

Загремело ведро о ванную, и Николай обернулся. Соседка закончила уборку и, устало обтерев лоб рукой, с неопишуемой тоской обозревала последствия аварии. Затянутые в хвост волосы выбились из-под резинки, челка сосульками спадала на покрасневшее, блестящее от пота и воды, лицо. Анжелика тяжело дышала, промокшая насквозь белая футболка, облегаящая вздымающуюся девичью грудь, скорей подчеркивала, нежели скрывала два небольших аккуратных полушария. Спортивные брюки плотно обхватили стройные ноги и чуть выдающиеся бедра девушки. Николай невольно загляделся – соседка пока не замечала его взгляда, продолжая оценивать результаты бедствия. А мужчина вдруг поймал себя на зазорной мысли, что довольно откровенно любит девушкой. Он на мгновение смутился, но в этот момент их взгляды в зеркале встретились. Заметив смущение, девушка не сразу поняла его истинную причину, но через секунду тихо произнесла: – Ой... – и, пунцовая, выскочила из ванной. Николаю ничего не оставалось, как уйти домой, осторожно прикрыв за собой входную дверь.

Дома, переодеваясь в сухую одежду, он ругал себя последними словами, но неловкость, которую испытал, встретившись с Анжеликой взглядом, не отступала. Пройдя на кухню, откинулся на стул и нервно закурил.

«Стыдно-то как... Уставился на девочку, кобель, как подросток какой-то. Она же мне чуть – ли не в дочки годиться, а я...» Перед глазами вновь появилась взволновавшая его картинка. Николай, как ни противно было признаваться самому себе, вновь почувствовал приятное томление. Что греха таить, девушки в мокрой одежде всегда выглядят безумно эротично, и, Анжелика, несмотря на возраст, была не исключением. Скорее наоборот. Ее еще полностью не сформировавшаяся фигурка радовала взгляд своей чистотой и свежестью. Это не было силиконовое тело какой-нибудь фотомодели, воспевающее пороки, и, близкое к животному инстинкту желание обладать им; наоборот, пока не совсем складное, но притягивающее своей целомудренностью и совершенной естественностью – пусть не совсем развитых, но оттого более вызывающих к нежности – форм, тело девушки.

Николай встряхнул головой, стараясь отогнать назойливо лезущие в голову постыдные мысли, и решительно поднялся. Он прошелся взад-вперед по кухне, закурил еще одну сигарету.... Взгляд упал на мойку, и он тут же вспомнил о первоначальной причине внутренних терзаний.

«Девчонке воду-то отключил, надо помочь. С нашими сантехниками можно месяц без воды просидеть».

Найдя в кладовке нужные инструменты и захватив – на всякий случай – набор резиновых прокладок для кранов, мужчина, переборов смущение, вновь отправился к соседке. Анжелика открыла почти сразу, даже не спросив, кто пришёл. Она тоже успела за это время переодеться и привела в порядок причёску, лишь румянец на щеках напоминал о прошедшей катастрофе.

Спортивный костюм чуть большего, чем следует, размера, скрывал разволновавшие Николая девичьи прелести и он даже вздохнул с облегчением.

– Ты почему даже не спрашиваешь, кто пришел? – спросил с нарочитой строгостью, желая исправить неловкую ситуацию и загладить собственный конфуз.

– Да я знала, что Вы придете. Не знаю почему, просто чувствовала, – девочка неловко улыбнулась и пошире раскрыла дверь, тем самым предлагая войти.

– Посмотрю, может чего получится, не сидеть же теперь тебе воды.

– Спасибо.

– Да пока не за что. Вот если получится, тогда и скажешь свое «спасибо».

Он прошел в ванную. Анжелика уже навела порядок, везде было сухо и уже ничего не напоминало о произошедшей катастрофе. Лишь в тазике на дне ванной лежали замоченные вещи. Коля выкрутил кран, заменил прокладку и ввернул на место отремонтированную деталь. Анжелика всё это время стояла в дверях позади него, и, склонив голову набок, молча наблюдала за происходящим.

– Запомнила?

– Нет... Что Вы... Вроде все просто, но все равно сама так не смогу. Я в технике совершенно не разбираюсь.

«Ну, если водопроводный кран считать техникой, то уж действительно не сможет», – Николай с трудом подавил улыбку.

– Анжелика, ты видела в туалете кран, который я завернул?

– Да. Открыть его?

Николай кивнул и девушка скрылась за дверью. Он повернул вентиль, послышалось набирающее силу журчание, и в раковину ударила тяжёлая струя воды.

– Ну, вот и все, – он завернул кран обратно и собрал инструменты, – пользуйся на здоровье. Если что, зови, чем могу – помогу.

– Спасибо Вам, огромное. Вы извините, что я так вот... к Вам... Просто испугалась, что делать, не знаю... – пролепетала Анжелика, опустив глаза. Она явно не находила слов и мужчина пресек нескладные попытки объяснений.

– Ничего страшного. Если вдруг что – заходи, не стесняйся, я вечером всегда дома.

Он подошел к дверям и уже хотел выходить, когда сзади раздалось неуверенное:

– Давайте я Вас хоть чаем угощу....

Он обернулся. В глазах девочки читалась просьба:

– Как-то некрасиво, Вы мне помогли, а я... Давайте. Я сейчас быстренько подогрею.

Николай на мгновение задумался. Дома ничего важного не было – лишь диван, да книжка под негромкое урчание телевизора. Ирина целый день не звонила, видимо, обиделась на его вчерашнюю вспыльчивость, или же просто ждала, что он сам свяжется с ней. А сам он пару раз созрел до разговора, но все откладывал на потом. Прищурившись, Николай посмотрел на девочку.

«Все время одна... Наверное, скучно. Интересно, у нее еще родственники здесь есть?» Анжелика замерла в ожидании ответа, и мужчина, улыбнувшись, решительно произнес:

– Ну, давай – угощай, – он сложил инструменты на невысокую тумбу рядом с дверью.

Лицо соседки мгновенно озарилось улыбкой.

– Проходите на кухню. Сейчас я, быстро, – сразу засуетилась девушка, – чайник уже закипает, а я пока бутерброды сделаю.

– Не надо ничего, – ему не хотелось «объедать» живущую одну девушку, – я пообедал не так давно, так что вполне сыт. Ты себе сделай, если хочешь, а я просто чайку попою.

Они прошли на кухню. Анжелика, указав гостю на стул, достала посуду. Накрыв на стол, села напротив, аккуратно разливая по кружкам чай. Коля редко его пил, предпочитая кофе в любое время суток, но порой можно сделать исключение. Тем более что кофе, в общем-

то, никто и не предлагал. Положив сахар и медленно размешивая его ложечкой, Николай осмотрелся. Кухня была такая же, как у него, только в идеальном порядке. Всё находилось на своих местах, ничего лишнего. Дома Николай, особенно если занимался приготовлением пищи, оставлял после себя такой хаос, словно на кухне побывала толпа народа, причем каждый занимался чем-то своим. Не то чтоб он не любил порядок, просто не понимал – зачем постоянно убирать тот же сахар со стола, если он все равно через какое-то время понадобится. А каждый раз лезть в шкафчик....

На довольно высоком холодильнике разместился небольшой цветной телевизор, рядом, на разделочном столе, микроволновая печь и электрочайник. Аккурат над ними, на резной деревянной этажерке уютно соседствовали кофеварка и компактный кухонный комбайн. Сплошная техника.... Он вновь усмехнулся, вспомнив слова Анжелики.

Девочка проследила за его взглядом.

– Я почти ничем не пользуюсь, все время в своей комнате. Мне там уютней – телевизор, музыка, да и ... привычней, – она передернула плечами не найдя слов для объяснений и опустила глаза. Николай понял, что пыталась сказать соседка. Ей привычней и удобней скрываться в своем маленьком «мирке», оставаясь наедине с собой, чем ходить по опустевшей квартире и постоянно чувствовать потерю. Довольно часто люди, резко и неожиданно оставаясь в одиночестве – а тем более в вынужденном одиночестве – не могут принять данное обстоятельство. Они постоянно пытаются найти хоть какие-то следы присутствия близкого человека; ждут, что вот сейчас он выйдет, как обычно, из комнаты; ловят еле слышные шорохи в тишине, или же, наоборот, ходят по комнатам в тщетной надежде встретить, услышать, ощутить необходимое присутствие. Осознание потери приходит со временем, но, даже дойдя до этого, многие продолжают подсознательно ожидать какого-то чуда.

У Николая был знакомый, который вследствие тяжелой болезни потерял любимую женщину. Больше года он каждый вечер стелил постель, а сам спал на диване, в другой комнате. Лишь для того, чтобы утром зайти и проверить – не смята ли простыня? Постоянное ощущение полусна – полуреальности, когда фантазии начали смешиваться с явью, и стало непонятно, где начинается одно, и заканчивается другое, привели его в психоневрологический диспансер. После трех месяцев лечения, друг – по совету врачей – сменил квартиру, и все встало на свои места. Во всяком случае, внешне он ничем не выказывал свое прошлое отторжение очевидного.

– Вы почему не пьете? Если горячий, я могу разбавить. Хотите? – вырвала его из мыслей девушка.

– Нет, все в порядке. Уютно у тебя, хорошо, – у Николая вновь появилось желание сказать Анжелике что-нибудь ободряющее, но как назло на ум ничего не приходило.

В глазах собеседницы появилась грусть, она отвела взгляд к окну и тихо произнесла:

– Раньше, еще лучше было.... Год назад у меня родители погибли, на машине разбились, – голос задрожал и Николай испугался, что девушка заплачет, но Анжелика справилась с подступившими слезами и повернулась к нему.

– Вы не знали?

«Сказать или нет про бабу Машу?» – Николай не ведал, как поступить и решил прибегнуть к компромиссу.

– Да, слышал вроде, не помню. Извини....

Ему совершенно не хотелось врать девочке, тем более на эту, близкую и невероятно тяжёлую для неё тему. Анжелика смотрела на Николая, но в то же время как будто сквозь него, погрузившись в тяжелые воспоминания. Ее лицо вдруг осунулось, губы поджалась, и всем своим видом девочка выказывала скорбь и смирение. Николаю не доводилось раньше встречать юных женщин с такой нелегкой судьбой. Мучительно подыскивая слова, он все смотрел на грустный образ соседки и в глубине души чувствовал, что слова сейчас совершенно ни к чему – девочка не нуждается ни в соболезнованиях, ни в поддержке, ни в сочувствии. Она ушла в

свой прошлый мир – к родителям, к семейному уюту и покою. Любое слово, произнесённое сейчас, разрушит эту иллюзию и реакция может быть совершенно неожиданной – от горьких слез до вспышки гнева, злости на посмеявшегося вторгнуться в ее воспоминания человека.

Неожиданно она вздрогнула, и, прикрыв веки, мелко помотала головой, стряхивая с себя оцепенение. Затем подняла глаза на Николая.

– Извините, пожалуйста. Все не могу поверить... – она попыталась улыбнуться, но лишь уголки губ дрогнули, улыбка получилась вымученной. Даже такие привлекательные ямочки на щеках в этот раз проступили достаточно уныло.

– Ничего страшного. Прости, что невольно заставил тебя вспомнить, – Николай чувствовал что говорит, в общем-то, чушь, но в голову как нарочно больше ничего не приходило. Девочка потянулась за чайником и долила себе кипятка.

– Вам добавить? – спросила, не глядя на мужчину.

Николай допил свой чай и повторять особого желания не было, но уходить в такой момент и оставлять Анжелику наедине с тяжкими воспоминаниями он считал не самым лучшим выходом.

– Добавь, пожалуйста. Еще кружечку и пойду, надо бы делами заниматься, – произнес сходу. Делать было абсолютно нечего, идти домой не хотелось. Он испытывал разливающуюся в душе невесть откуда взявшуюся нежность к этой девочке-женщине с грустными глазами. Он хотел просто обнять ее, гладить по голове и говорить что-нибудь хорошее, доброе, чтобы она забыла о своем горе, забыла об одиночестве и окружающей пустоте. Чтоб почувствовала его внимание, самое что ни на есть искреннее.

Наверное, что-то промелькнуло в его глазах и Анжелика, наливающая в это время чай, ощутила это что-то. В любом случае в ее взгляде отразились непритворные благодарность и облегчение, и Николаю стало вдруг безумно хорошо на душе. Он угадал ее желание хоть немного отдалить постоянно преследующее одиночество... И готов был выпить чайник воды, лишь бы поддержать девушку хоть какое-то время.

– А Вы кем работаете, Николай? – нарушила соседка затянувшееся молчание.

– Я творческий человек, пишу заметки про вашего мальчика – фразой из известного мультфильма объяснился мужчина. Встретив недоумение во взгляде девушки, торопливо добавил: – Криминальную хронику веду в нашей газете.

– Так Вы журналист?! Интересно, наверное, – в голосе послышалось ребяческое восхищение. Многие знакомые Николая считали его чуть ли не представителем богемы, но мало кто реально осознавал суть выполняемой работы. Не верилось, что вести криминальную колонку довольно скучное занятие, но Николай и не настаивал на своем мнении. Пусть думают, что хотят. Не хотелось разочаровывать друзей, а особенно знакомых девушек, буквально млеющих от общения с «творческой личностью».

– Честно говоря, ничего особенного. Работа, как работа, – он знал, что Анжелика так же не поверит ему, и сразу же убедился в этом. Девушка с сомнением покачала головой и лукаво улыбнулась, мол «меня не проведешь». Симпатичные ямочки заняли привычное место на щеках.

– Нет, правда. Это кажется очень интересным, а на самом деле все просто. Целую неделю просматриваешь милицейские сводки, ищешь что-нибудь из ряда вон выходящее и к пятнице подбиваешь самое значительное в одну колонку. Не очень приятно каждый день начинать с того, что узнаешь: где что обворовали, кого избили, какую машину угнали. Но кто-то ведь должен этим заниматься. Порой заикливаешься так, что кажется, словно вокруг больше ничего не происходит – сплошные кражи, разбои, драки и тому подобное. Приходишь домой, включаешь телевизор, а там все то же самое, только в других масштабах. Надоедает, но куда денешься... – в его голосе прозвучала какая-то обречённость.

Он заметил, что девушка увлеклась его монологом. Глаза засветились интересом, она на время забыла о своих переживаниях и просто внимательно слушала. Радуюсь произошедшей перемене, Николай продолжил:

– Я раньше спортом занимался – плаванием, в футбол играл. Порой хочется бросить весь этот криминал к черту, да писать о спорте. Согласись, что лучше рассказывать о новых победах и рекордах, чем о чьих-то проблемах и несчастьях.

Он запнулся, испугавшись, что вновь невольно напомнил девушке о постигших её горестях, но Анжелика лишь кивнула, выражая свое согласие и с абсолютно детской непосредственностью поинтересовалась:

– Так почему не пишете про спорт?

– У каждого своя колонка. Когда я пришел устраиваться на работу, свободной была лишь эта вакансия. Думал, не получится, но ничего, втянулся.

Соседка о чем-то задумалась. Николай притих в ожидании ответного рассказа и не обманулся.

– А я в магазине работаю, по вечерам. Неделя через неделю. Хотела в садик сначала устроиться, но там график неудобный, учебе мешало. А здесь знакомый папы взял к себе.

– И чем торгуешь?

– Продукты. Тоже сначала не в своей тарелке себя чувствовала, но так же, как и Вы, втянулась, – Анжелика улыбнулась сходству, – Зарплата небольшая, но хоть что-то, на жизнь хватает.

Грусть снова на долю секунды омрачила ее личико.

– А что за магазин?

– «Звездочка». Рядом здесь, на крылечке, – уточнила она, заметив недоумённый взгляд мужчины.

Николай знал это место, но заходил туда редко. «Звездочка» работала круглосуточно и вечером в магазин шли в основном местные алкоголики, так как в продаже всегда имелась относительно дешевая водка неизвестного розлива.

Анжелика перевела взгляд на окно и замолчала. Николай посмотрел на часы – девятый час – пора бы и честь знать.

– Ну, спасибо, хозяйюшка, за чай – он поднялся и прошел в прихожую, Анжелика следом, – пора домой. Время уже позднее, у тебя своих дел, наверное, навалом, одной стирки на полночи.

– Да что Вы, там совсем немного. Я уже и забыла о ней, если честно.

Мужчина взял с тумбочки инструмент, и, открыв дверь, обернулся:

– Не забудь, если что – зови, – он улыбнулся и вышел.

– Спасибо Вам за все – донесся вслед тихий голос и дверь, скрипнув, закрылась.

Николай вернулся в пустую, вдруг показавшуюся ему неуютной, квартиру, и, пройдя на кухню, достал сигарету. Щелчок зажигалки прозвучал слишком громко в окружившей тишине. Клубы дыма медленно поднимались к потолку, он смотрел на сизый туман и мысленно растворялся в нем, окружал себя зыбкой пеленой, желая оградиться от внешнего мира, забыться, оторвавшись от реальности. Он почувствовал невыносимое, почти физически давящее одиночество. Перед глазами пронеслись картинки его жизни, и не за что было зацепиться. Родители уже давно живут в другом городе, своей, приближающейся к закату, неторопливой жизнью. Друзья – если можно назвать так школьных и институтских товарищей, тоже не баловали его вниманием, да и, признаться, он сам не особо стремился к этому. Он задумался об Ирине. Их отношения зарождались довольно обыденно – встретились два одиночества, появилась симпатия – как к человеку, так и к родственной душе – переросшая со временем в нечто большее. Да, ему было хорошо с ней во всем, начиная от разговоров и заканчивая постелью, они понимали друг друга с полуслова, угадывали желания, мысли, поведение, но была ли это любовь «до гроба»? Да и что такое вообще любовь?

Если б кто-нибудь задал этот вопрос Николаю, он вряд ли нашел бы какое-то разумное объяснение этому чувству, а скорей даже совокупности чувств. За свою жизнь ему не раз доводилось идти на поводу у страсти, даже влюбляться, но в определенный момент что-то перегорало внутри. Он чувствовал, что исчерпал себя, что ему уже не интересны эти отношения, вроде все еще волнительные, но уже в наименьшей степени, лишённые первоначальной искры. Первое время Николай пытался притворяться, лгать другим и даже самому себе, твердить о высоких чувствах и внушать себе же что чувства эти действительно есть, что это не иллюзия, не фикция, а та самая долгожданная любовь – умеренное, спокойное, очень приятное ощущение духовной близости с женщиной. Где-то в глубине души он осознавал, что все, что с ним происходит – не более чем смирение, уход от надоевшего одиночества и опостылевшей до чертиков серости будней, нестерпимое желание иметь полноценную семью, возвращаться в милую обитель, где тебя кто-то ждет, где чувствуешь себя нужным, любимым, желанным. Ведь так приятно приходить с работы домой, где тебя встречают с радостью. Затем, переодевшись и поглощая восхитительный, приготовленный женскими руками ужин, рассказывать о прошедшем дне, слушать в ответ совсем не интересные, но абсолютно не напрягающие новости о выросших ценах в магазине, о новой причёске подруги, и чересчур откровенном платье какой-то Маши; после, приняв теплый, расслабляющий душ и смыв с себя накопившееся за день напряжение, лечь в свежестеленную, приятно пахнущую чистотой постель и обнять податливое, отзывчивое тело лежащей рядом женщины; неспешно гладить нежную, бархатистую кожу, почувствовать привораживающий запах женщины, ласкать ее, проникая руками и губами в самые потаенные места и слышать негромкие, пока еще сдерживаемые стоны; чувствовать ее напряжение и дикое, все нарастающее желание близости, и, овладев ею, довести до крика, до иступления, до невнятного шепота и вонзившихся в спину ногтей, до мелких судорог, сотрясающих вдруг обмякшие разом мышцы; а затем, лежа рядом и глядя влажные от пота грудь, живот, бедра любимой, смотреть на ее утомленное, но блаженное лицо, чувствуя себя на седьмом небе от счастья и распирающей гордости за доставленное удовольствие. И напрочь забыть о невыносимом одиночестве.

С Ириной же они пока довольствовались тем, что есть – частые, но недолгие встречи, выходы вместе по магазинам, и, изредка, в кинотеатр, на какую-нибудь премьеру, никаких планов на будущее и обязательные ночевки девушки дома. За все то время, сколько они вместе – почти два года минуло – Ирина ни разу не осталась на ночь у Николая, объясняя это нежеланием оставлять дома стареньких родителей.

«Понимаешь, Коленька, они ведь волноваться будет, а в их возрасте это совершенно ни к чему. Да я и сама переживать стану». Пару раз, услышав подобные объяснения, Николай решил, что настаивать бессмысленно и перестал затрагивать эту тему.

Даже сейчас, думая об Ирине, мужчина поймал себя на мысли, что не может представить девушку в роли жены и хозяйки. Трудно было понять, что именно не устраивает. Возможно, дело совсем не в женщине, а в той ответственности, которую приобретает человек, связывая свою жизнь с кем-то другим. Он знал немало примеров из жизни друзей и знакомых, которые сходились, а порой даже узаконивали свои отношения, на какое-то – обычно недолгое – время, поддавшись либо страсти, либо восплавав необыкновенно сильными чувствами к объекту своих воздыханий. И, вдруг, осознавали, что семейная жизнь вовсе не то, что период ухаживаний, что вся лирика постепенно исчезает, съедаемая рутинными, будничными отношениями.

Закурив новую сигарету, Коля прошелся по кухне и встал у окна. На улице смеркалось, и казавшийся утром сказкой пейзаж навевал теперь лишь уныние. Он отвернулся и оглядел привычный беспорядок на столе, в мойке, за стеклами висящих на стене шкафчиков. Попытался вообразить Ирину в домашнем халате и тапочках, наводящую уборку и одновременно готовящую ужин. Фантазия вызвала невольную улыбку, он с трудом представлял женщину в цветастом ситцевом халатике, без косметики, с всклокоченными волосами и тряпкой в одной руке

и поварешкой в другой. Себя, сидящего с газетой, в майке и стареньком трико, слушающего ворчание супруги о маленькой зарплате и бешеных расходах, кивающего в ответ в попытке поддержать бессмысленный, продолжающийся изо дня в день разговор. «Жуть какая, неужели все этим кончится когда-нибудь?». Коля даже помотал головой, отгоняя безрадостное видение. Вроде получилось, мысли перешли к работе, к неоконченной статье и желание побыстрей покончить с нудной обязанностью заставило потушить сигарету и пойти в комнату, где были разложены нужные материалы. Просидев пару часов и чувствуя смертельную усталость, Николай перебрался под одеяло.

На следующее утро, едва зайдя в редакцию, Николай был тут же вызван Ираидой Павловной.

– Коленька, мальчик мой, как ты себя чувствуешь? – в интонации редакторши проскользнуло нечто, заставившее мужчину насторожиться. И не зря.

– Сегодня в области, в краеведческом музее, открывается новая выставка. Ты же по родному городу материалы для книги готовишь, вот я и решила тебе командировку сделать. Посмотришь, подыщешь что-нибудь новенькое. Согласен, хороший мой?

– Конечно, с удовольствием, Ираида Павловна, – он действительно обрадовался неожиданному предложению – давно хотелось сменить хоть на какое-то время обстановку и грех было не воспользоваться случаем. – Когда уезжать, на сколько?

– На недельку, до воскресенья. Поезд через два часа, успеешь собраться?

– Да. А как же моя колонка? – запоздало удивился Николай, но редакторша нетерпеливо махнула пухлой ручкой.

– Не волнуйся, сама все сделаю. Иди в бухгалтерию, и, удачи тебе, Коленька. Приедешь-расскажешь, но если что, сразу звони.

Забежав в бухгалтерию, где без проволочек (спасибо начальнице) получил командировочные, Николай выскочил на улицу и на ходу набрал номер Ирины.

– Привет, Коленька. Я уж думала, ты меня совсем забыл.

– Ирочка, извини, пожалуйста. Слушай, меня в командировку отправляют, в центр, – объявил он без предварительной подготовки. – Звоню попрощаться. Но ненадолго, в воскресенье уже буду дома.

– Так ты когда уезжаешь? – взволновалась девушка. – Давай я отпрошусь, помогу тебе собраться. Я сейчас....

– Не надо, – едва успел остановить подругу Николай. – У меня через час поезд. Как устроюсь – перезвоню.

– Ну, хорошо, Коля. Только обязательно, я буду ждать, – в голосе девушки явно прозвучала грусть.

– Обещаю, Иришка. Целую тебя.

– И я тебя, – услышал он в ответ и отключил трубку.

Спустя некоторое время Николай уже трясся в плацкартном вагоне под мерный стук колес. До центра было часа три езды, он откинулся к стенке, и, прикрыв глаза, задремал.

Командировка пролетела довольно быстро, наступило воскресенье, и Николай вернулся. Нельзя сказать, что он привез много нового из поездки, но, в целом, получил немало удовольствия. Ежедневно они созванивались с Ириной, и в какой-то момент он почувствовал, что скучает по девушке. Данное обстоятельство явилось для него довольно неожиданным открытием. Прошлым летом, находясь в лагере с интернатом, мужчина не испытывал подобных ощущений. Договорились, что он известит о своем приезде заранее, но в последний момент, прямо перед отправлением поезда, Николай передумал. Не хотелось тревожить девушку: поезд прибывал в 11 вечера, полчаса добираться с вокзала. «Лучше в понедельник отпрошусь с работы

пораньше, да отзвонюсь». Три часа в дороге пролетели незаметно и вскоре за окнами выстелился перрон родного вокзала.

Выходя из вагона, заметил подходящий к остановке автобус, и, радуясь везению, через двадцать минут сошел на своей остановке. До дома рукой подать, но внезапно подобравшееся чувство голода заставило повернуть к магазину.

Поднимаясь на крыльцо, Николай посмотрел на застекленную дверь и какое-то смутное воспоминание всплыло в сознании.

«Звездочка...?»

Он чувствовал что-то, связанное с этим магазином, но никак не мог понять что именно, откуда ему знакомо это название? Толкнув дверь, первое, что увидел – двух небритых мужиков, смотревших на него просительно-жалобно. Они источали такой многодневный, устоявшийся аромат перегара, что Николай невольно поморщился, и, брезгливо обойдя алкоголиков, подошел к прилавку.

Девушка-продавец сидела на стульчике в углу, и читала, склонившись над книгой. Николай окинул взглядом витрины и, решив взять что-нибудь попроще, подошел к кассе. Продавец всё так же совершенно не обращала на него внимания.

– Девушка, можно вас потревожить? – как он ни старался, в голосе прозвучало явное раздражение.

От неожиданности девушка дернулась, книга скользнула на пол. Она вскочила и испуганно посмотрела на нарушителя покоя.

– Анжелика? Здравствуй, соседка, – Николай первым справился с замешательством.

«Вот откуда знакомо название». – Извини, что напугал тебя. Так получилось... – стал оправдываться мужчина и с удовлетворением отметил, что испуг на лице Анжелики, сменяется улыбкой – она тоже узнала его.

– Здравствуйте, – девушка подошла к прилавку. – Простите, зачиталась – извинилась она в свою очередь, и потупила взгляд. Коля улыбнулся.

– У тебя клиенты в магазине, – он кивком указал на небритых мужиков, тупо смотревших на них, – а ты даже не видишь.

Анжелика брезгливо посмотрела на пьяниц.

– Тоже мне, клиенты... Каждый день как на работу приходят. Стоят, деньги клянчат, а выгонять без толку – через пять минут снова здесь. Скунсы... – припечатала она напоследок и тут же крикнула в сторону выхода:

– Идите отсюда, что непонятно? Или милицию вызвать? – в голосе послышалась твердость, которая никак не вязалась с хрупким образом девочки.

Алкоголики одновременно вздохнули и ретировались, тихонько прикрыв входную дверь.

– Все равно через пару минут вернутся, вот увидите, – Анжелика улыбалась, строгость с лица пропала, как только закрылась дверь. Она посмотрела на часы – В принципе мне уже все равно, через пять минут меняюсь.

В это время из подсобки выплыла грузная тетка, и, окинув осоловевшим взглядом помещение магазина, громким басом объявила:

– Анжелика, иди переодевайся. Я обслужу человека. Что хотели? – в ее голосе послышалось безразличие и в то же время грубоватые нотки. Видимо, вся жизнь в торговле, работа наложила определенный отпечаток на характер женщины.

– Сосисок полкило. Молочных. Да вермишели пачку.

Пока он говорил, Анжелика скользнула в подсобку. Тетка пошла к холодильнику, и, довольно быстро справившись со связкой сосисок, протянула:

– Пятьдесят три семьдесят, – она устала на Николая, – еще что-нибудь?

– Нет, спасибо, – Николай протянул сотенную купюру, сгреб сдачу и закинул продукты в сумку. В это время вновь появилась, уже переодевшись, Анжелика. Махнув рукой сменщице, она вопросительно посмотрела на мужчину:

– Вы домой идете?

– Да, конечно, пойдем, – поворачиваясь, Николай успел заметить пытливый взгляд женщины из-за прилавка.

Вышли на улицу. Рядом с крыльцом, ежась на прохладном ветру, стояла все та же парочка, и, едва они отошли от магазина, алкаши чуть ли не бегом бросились к спасительным дверям.

Николай неспешно брел к дому рядом с девушкой, но ни он сам, ни Анжелика не нарушали затянувшегося молчания. Мужчина искоса наблюдал за спутницей, девочка шла, задумавшись о чем-то, и смотрела под ноги, легонько пиная затвердевшие на холодном ветру комки талого снега. Трудно было угадать ее настроение – на лице ничего не отображалось, никаких эмоций, маска отчуждения надёжно скрыла ранее приветливые черты – и Николай решил прервать затянувшуюся паузу:

– О чем задумалась, Лика? Ничего, что я тебя так называю, кстати?

– Меня все так зовут. Называйте, конечно, – она запнулась и, подбирая слова, медленно произнесла, – О чём? О жизни, о справедливости, о непонятных мне вещах...

Она вновь затихла. Николай терпеливо ждал, не стремясь нарушить вынужденное молчание.

– Я думаю о Боге. Почему так получается, что хорошие люди уходят, а какие-то алкаши живут, как ни в чем не бывало? Если Бог действительно есть, то почему он забирает хороших людей? В чём они виноваты?

Голос дрогнул, и Анжелика тут же замолчала, лишь напряжённо вздохнула. Николай растерялся. Он ожидал чего угодно, но не подобных размышлений.

– Трудно сказать, – начал он, справившись с оторопью, – Скорей всего, это что-то типа закона равновесия. Понимаешь, если останутся лишь хорошие, достойные люди, все сольется в единую массу. Все познается в сравнении, и, не будь таких вот алкоголиков, кто-нибудь другой, менее предосудительный, перешел бы в стан плохих. Просто каждый несет свой крест, занимая отведенное ему место в жизни.

– Вы верите в Бога? – Анжелика посмотрела с любопытством и даже остановилась в ожидании ответа. Николай тоже встал:

– Я верю, что Бог у каждого в душе, у каждого свой. Но все же порой, кажется, что есть что-то единое. У любого из нас в жизни происходят иногда такие вещи, которые не поддаются объяснению, такое ощущение, словно, что-то руководит тобой, либо подталкивая в определенную сторону, либо, наоборот, останавливая в какой-то момент. У меня тоже бывали такие ситуации, которые я не могу ни объяснить, ни понять сам. Вначале пытался найти какие-то ответы, подвести подобные ситуации под какое-нибудь логическое объяснение, но вскоре бросил свои попытки... Знаешь, я чувствую, что верю, но даже сам не могу понять во что именно...

Анжелика согласно кивнула, и застыла в ожидании продолжения. Она молча смотрела ему в глаза, и словно ждала каких-то пояснений, чего-нибудь, что успокоило бы ее, принесло, пусть не большое, но такое нужное умиротворение. Николай отвел взгляд, и, путаясь, тихо произнес:

– Твои родители... я уверен, они тоже хорошие люди... Судьба не всегда права бывает, – он не нашел больше слов, и посмотрел на девушку. Ее глаза наполнились влагой, губы вздрогнули, и Коля понял, что она сейчас заплачет. Повинуясь внезапному порыву, он, сделав шаг к Анжелике, обнял ее и прижал к себе. Девочка не испугалась, не отдернулась, а наоборот, уткнулась лицом ему в плечо и задрожала. Коля почувствовал неведомый доселе прилив всепоглощающей нежности. Именно нежности, а не подобающего случаю сострадания. В этот

момент ему хотелось оградить Анжелику от окружающего мира с его проблемами, с его неожиданными – и от того более тяжелыми – утратами, разочарованиями, с его болью от этих разочарований. Он понимал, что это нереально, но пусть хоть в эту минуту девочка почувствует, что она не одна, что не все так плохо и что есть люди, желающие действительно помочь, поддержать, утешить.

Николай гладил девушку по голове, Анжелика, успокаиваясь, тихонько всхлипывала, но не отодвигалась. Мужчина ловил любопытные взгляды редких прохожих и, вдруг осмыслил пикантность ситуации. Он положил руки на плечи Анжелики и тихонько отодвинул ее от себя. Девочка молча, склонив голову, повернулась и пошла к дому. Уже возле крыльца она резко остановилась и, подняв покрасневшие от слез глаза, негромко сказала:

– Простите, пожалуйста. Не сдержалась, устала, наверное. Очень часто думаю о несправедливости, а зачем...? Все равно уж ничего не изменишь.

В голосе слышалась безмерная усталость. Николай понимал ее. Он подумал о том, как бы сам жил в такой ситуации, потеряв в восемнадцать лет самое дорогое, что есть на свете – семью. Скорей всего ушел бы в себя, замкнулся, отрекаясь от реальности, от мира, который так несправедлив, может, возненавидел бы эту жизнь, свою судьбу, все и всех на белом свете. Трудно сказать...

– Ничего, Лика, я тебя понимаю. – Он не находил слов, испытывал неловкость за тот порыв нежности. Вроде бы ничего страшного, но сама ситуация...

Малознакомые мужчина и девочка, вроде ничего общего и вдруг такое доверие, такая душевная близость, даже интимность. В глубине души было очень приятно, но в то же время он пытался найти оправдание и себе, и Анжелике. Зачем, сам не понимал. Скорей всего, чтоб заглушить терзающее душу смущение, из-за которого не мог даже посмотреть на соседку. Да она и сама, похоже, чувствовала нечто подобное, потому как смотрела под ноги и молчала.

Домой не хотелось. На улице было тепло, ветер успокоился и с этой стороны дома не тревожил вовсе. В воздухе чувствовалась весна, но в данный момент никто из них не обращал на это внимания. Скорей даже общее возрождение природы противоречило настроению двух людей, стоявших друг напротив друга в ночном полумраке, при тусклом свете фонарей.

– Тебе, наверное, завтра рано вставать, не выспишься, – нарушил молчание Николай. Его раздражало взаимное ощущение неловкости и затянувшаяся пауза, но бесился он скорей из-за себя, из-за своей беспомощности, из-за отсутствия необходимых слов.

– Выплюсь, мне завтра ко второй паре.

– А вечером снова на работу?

– Нет, моя неделя закончилась, теперь отдыхаю. – Она немного помолчала, словно решаясь сказать еще что-то и, с просьбой в голосе, произнесла: – Может, прогуляемся немного?

Видимо удивление слишком явно отразилось на лице Николая, потому как девушка тут же принялась оправдываться за столь неожиданное предложение.

– Извините, Вы, наверное, домой спешите, Вас там ждут... Не обращайтесь внимания, я не подумав, так... – запутавшись еще больше, она вновь замолчала и опять опустила взгляд под ноги.

Николай улыбнулся.

– Пойдем, пройдемся. Никто меня не ждет, да и домой не очень хочется. Вон как хорошо на улице.

Он поправил висевшую на плече сумку и, взяв девушку под локоть, пошел вдоль дома. Краем глаза заметил, что Анжелика улыбнулась – возвращаться в пустую квартиру ей не хотелось. Да, в принципе, и сам он чувствовал то же самое.

– А почему Вы один живете? – с детской непосредственностью спросила девушка.

– Родители в другой город переехали, а семьей еще не обзавелся.

– А та девушка... ну, когда в лифте застряли...? – подразумевая Ирину, Анжелика не знала, как сформулировать вопрос.

– Она дома, у родителей – Николай удивился ее любопытству, но не стал обращать внимание на некорректность вопросов.

– А Вы знаете, я часто вспоминала вас последнее время, не знаю почему – Анжелика говорила абсолютно спокойно, не обращая внимания на то, что сама резко перевела тему. Мужчине даже показалось, что ей все равно, о чем разговаривать, только бы не молчать.

Скорей всего она просто старательно избегала собственных гнетущих мыслей и, в данный момент, Николай стал определенной отдушиной. Он не противился этому, наоборот – оказанное доверие приятным осадком легло на душу.

– У Вас глаза добрые, Вы ведь добрый человек! – девушка устремила взор на него, ожидая подтверждения. Николай улыбнулся:

– Ну, не знаю, для кого как. Но, честно говорю, не злой.

– Я это сразу поняла, не знаю почему, – девушка повторялась, но не обращала на это внимание. – И когда в лифте сидели, и когда кран чинили, и потом, когда мы чай пили.

Николай не понимал, что он сделал особенного, в чем так выразилась доброта, но у каждого свои суждения и, что говорить, ему было приятно мнение девочки. Многие говорили мужчине то же самое, но те слова не были настолько открыты, не западали так глубоко в душу и не ласкали слух.

– Хотите, я Вам тайну открою? – лукавый взгляд зелёных глаз невольно заставил мужчину остановиться. Анжелика потянула его за руку, вынуждая продолжить неторопливое движение. – Помните, Вы спросили у меня как дела? Ну, в тот день, когда мы в лифте застряли...?

Николай напряжённо кивнул. Вполне возможно, что и спросил, не обратив на это особого внимания.

– Так вот... Я давно с Вами познакомиться хотела. Не могу объяснить почему, просто – хотела и всё. Может чувствовала, что Вы мне потом поможете... Не знаю..., – непосредственность девушки была выше всяких похвал. – И когда представляла себе возможную ситуацию нашего знакомства, то всегда всё начиналось именно с этого вопроса. Почему так?

Николай пожал плечами. Что тут можно ответить? Пожалуй, абсолютно ничего. Многие люди при встрече задают подобный вопрос, причём абсолютно не факт, что их на самом деле интересуют дела собеседника. Одно из тех проявлений нарочитой вежливости, на которое малосодержательный ответ «нормально» является абсолютно исчерпывающим. Вот и сейчас, не найдя что сказать, Николай решил перевести тему.

– Лица, а у тебя есть кто-нибудь из родственников? – спросив, он тут же обругал себя последними словами за своё любопытство, но девочка совершенно спокойно ответила:

– Тетка есть, по отцу. Она в другом городе живет, иногда приезжает на выходные, но... – она резко замолчала.

– Что, но... – не удержался Коля. Ему показалось, что при упоминании тетки в голосе Анжелики послышалась неприязнь или что-то близкое к этому. Он не ошибся...

– Да она как приезжает, сразу про квартиру начинает говорить. Зачем тебе большая такая, да надо сменить, да легче жить будет, ты же намаешься тут, воспоминания замучают, – в голосе девушки слышалась уже не скрываемая ненависть. Николай тоже невольно почувствовал отвращение к «заботливой» тете.

– Жадная она просто, раньше у папы всегда денег просила. Он ругался, но давал, а ей все мало. И маму она не любила, говорила, что она за папу замуж из-за денег вышла. Бред какой-то. Папа военным был, не так давно в запас уволился и мы сюда приехали. С другом охранное предприятие открыли, да вот... А этой все мало, противно уже. Видеть ее не хочу, – Анжелика резко замолчала, сжав губы и прищурился глаза. Судя по озлобленному выражению детского личика неприязнь была отнюдь не минутной слабостью, а скорей результатом про-

должительного вынужденного восприятия этой отталкивающей особы. Судя по всему, тетка ее действительно достала...

– Часто она приезжает-то? – Николай достал сигарету и прикурил.

– Раньше часто, а теперь раз в месяц, на выходные. На следующие, наверное, припрется. – Анжелика даже вздохнула как-то обреченно, заранее смиряясь с вынужденной проблемой.

– Ладно, как приедет – так и уедет. Что там пару дней – мелочи, зато потом опять месяц не будет, – Николай положил руку на плечо девушки, пытаясь выразить поддержку. Лика посмотрела с благодарностью и улыбнулась.

Они шли вдоль соседней от их дома по вечернему пустынной улице. Уже чувствовалась ночная прохлада и лужицы под ногами хрустели ломающейся коркой только схватившегося льда. Анжелика поежилась.

– Замерзла? – в голосе мужчины прозвучала забота.

– Немного, но ничего. Домой все равно не хочется, а Вам? – девочка с надеждой подняла на него глаза.

– Лика, называй меня на «ты». Я еще не старый, поэтому слышать «вы» тяжело, чувствую себя прямо-таки динозавром. Хорошо?

Видно было, что Анжелика смутилась. Но тут же справилась с собой и, улыбнувшись, с сомнением в голосе произнесла:

– Я попробую, но ничего не обещаю. Мне так привычней, не знаю, смогу ли я?

– Постарайся, а то я даже здороваться с тобой перестану, – заявил Николай. В принципе, это была уже наглость в определенной степени – ставить какие-то условия при их недолгом знакомстве было довольно нелепо, но ни он сам, ни девушка не обратили на это внимания. Анжелика вновь заулыбалась.

– Зачем вы меня пугаете? Хотите злым показаться? – она осеклась и прикрыла рот ладошкой в наигранном испуге.

– Все, больше не здороваюсь. Хватит уже, сколько можно, – притворным возмущением мужчина развеселил девушку, – Говоришь, говоришь – все без толку, она продолжает издеваться. Надо переходить к более жестким мерам.

Он даже начал размахивать руками во время монолога и остановившись, гневно смотрел на смеющуюся соседку. Он впервые услышал, как она смеется. Смех был мелодичный, прерываемый всхлипываниями. Анжелика все еще прикрывала рот ладошкой, звук был приглушенный, но все равно приятный слуху. Николай тоже заулыбался. С трудом сдерживаясь, Анжелика, подыгрывая Николаю, виноватым голосом просительно заговорила:

– Не надо, пожалуйста. Я исправлюсь, я все поняла и буду работать над собой. Простите меня, пожалуйста, – затянула она и это вызвало новый приступ веселья. Мужчина тоже не удержался и вторил девочке – искренне, беззаботным, приносящим облегчение на душу смехом.

Успокоившись, они пошли в сторону дома. Анжелика улыбалась, а Николай ловил себя на мысли, что ему приятно и легко находиться рядом с этой, совсем еще юной, женщиной – девочкой. Он не знал, как ее воспринимать – то ли как ребенка, то ли как взрослую, но данная дилемма нисколько не мучила, а наоборот, придавала какую-то пикантность отношениям. Они разговаривали всю обратную дорогу, словно смех снял невидимую преграду, которую трудно было переступить, которая долгое время подавляла и мешала им. Анжелика рассказывала про учебу, про назойливых поклонников и Николай чувствовал себя подростком, ровесником девочки, вновь переживая студенческие годы и делясь воспоминаниями; сам говорил о работе и ощущал себя в какой-то степени наставником, умудренным житейским опытом взрослым мужчиной. Эти, такие разные, можно сказать противоположные состояния плавно переходили из одного в другое, четких границ не существовало и они сливались воедино, принося новые, неведомые ранее приятные впечатления от, казалось бы, элементарного общения с противоположным полом.

За разговорами дошли до подъезда, Анжелика открыла своими ключами и вызвала лифт.

– Если застрянем – всю ночь просидим, – она улыбалась.

– Я смотрю, тебя это радует. Домой не хочется?

Николай, задав пришедший на ум вопрос, осекся, Прозвучало двусмысленно, и реакция могла последовать самая неожиданная, но Анжелика не обратила внимания или же не усмотрела произвольного подтекста. Он вздохнул с облегчением на ее неопределенное пожатие плечами и, выходя из лифта, остановился посреди площадки. Обернулся. Девочка стояла возле своих дверей и теребила в руках ключи.

– Спасибо, Лика.

Она резко обернулась.

– За что? Это Вам..., тебе спасибо, что согласился прогуляться. Мне..., мне очень понравилось..., – она в смущении опустила глаза, видимо, признание вырвалось непреднамеренно.

– Можно завтра ещё пройтись, если захочешь, – Николаю хотелось сказать что-нибудь приятное напоследок, тем более что девочка смотрела на него в ожидании и тут же подхватила импонирующую ей мысль.

– Давай, если занят не будешь, – она говорила несколько натянуто, еще не привыкнув к обращению на «ты» – А как встретимся?

– Я могу зайти вечером. Хорошо?

– Да, конечно, я дома буду, – глаза девочки засияли.

Николай вдруг вспомнил про Ирину, но тут же заглушил в себе эту мысль как несвоевременную. «Потом что-нибудь придумаю»... – Ну, ладно, тогда до завтра? – Коля достал ключи.

– До завтра! – в голосе Анжелики прозвучало кокетство и мужчина улыбнулся. Ребенок – ребенком, а все туда же. Женщина – она в любом возрасте женщина.

Лика зашла в квартиру и на прощание, уже закрывая дверь, коротко махнула изящной ручкой. Мужчина тоже поднял руку, но дверь уже захлопнулась, и он вдруг поймал себя на том, что испытывает сожаление, словно резко стало не хватать чего-то важного. Такое чувство необъяснимой потери бывает когда смотришь по телевизору какой-нибудь хороший фильм, он кончается и следом начинаются новости, а ты пребываешь все еще в своих собственных переживаниях и не совсем осознаешь реальность, пытаясь сохранить то внутреннее состояние, которое тебе навеяла картина, ощущая потерю, но не совсем понимая её и не желая принять. Перед глазами мелькали обрывки сегодняшнего вечера – разговоры, смех Анжелики, слезы и неожиданные объятия. Он вспомнил эту сцену и прямо-таки физически вновь почувствовал хрупкие плечи девушки, приятную гладь ее шелковистых волос и даже дрожь тела. Вновь испытал те нежность и тепло, которые так неожиданно толкнули его к Лике. Николай даже затаил дыхание, боясь спугнуть приятное воспоминание.

Где-то внизу хлопнула дверь и, словно очнувшись от сна, мужчина осознал, что стоит посреди лестничной площадки с поднятой в прощальном жесте рукой и умильной улыбкой. Со стороны смотрелось наверняка очень весело – прямо как статуя. Он поспешил к своей двери и услышал шорох из квартиры соседки – видимо, она наблюдала в «глазок» и только сейчас отошла.

«Боже мой, как дурак – застыл. Вот девочка посмеялась-то вволю».

Он живо представил всю комичность ситуации и рассмеялся сам....

Квартира встретила прохладой – перед отъездом, наспех собираясь, Николай забыл закрыть форточки и целую неделю здесь хозяйничали сквозняки. Он бросил сумку на пол прихожей и скинул ботинки. После гостиничного номера приятно было оказаться в привычной домашней обстановке, но все же чувствовалась пустота, неуютность, которая появляется после долгого отсутствия хозяев. Он разделся и закурил. Стрелки на часах показывали второй час ночи, есть уже не хотелось, да и желание готовить пропало. Поставив чайник, сел за стол и рисуя воображаемые круги на гладкой поверхности, задумался. Вспомнил вопрос Лики о Боге

– верит ли он? Довольно часто в последние годы Николай и сам пытался разобраться в этом, но так и не смог однозначно ответить на этот вопрос. Он вернулся на три года назад в своих воспоминаниях...

Тот день не предвещал ничего особенного, пятница как пятница, лишь разболевшийся с утра зуб стал довольно неприятным исключением. Кое-как дотерпев до вечера, Николай, уже не в силах переносить ноющую, неподвластную никаким таблеткам боль, чуть ли не бегом устремился в поликлинику. Он с детства боялся зубного врача, но тут даже страх отошел на второй план. Щека начала набухать и, придя в поликлинику, Николай тут же попал на прием к дежурному врачу.

– Обезболивающее все переносите? Аллергии нет? – спросила дородная тетка в белом халате усадив его в кресло и осмотрев рот.

Николай кивнул и через пару минут в десну вонзилась тонкая игла.

– Теперь посидите немного в коридоре, я позову.

Он вышел и сев на стул, прислушался к ощущениям. Боль начала отступать, но в то же время пришло сначала легкое, а затем все сильнее и сильнее, головокружение. Он почувствовал, как на лбу выступает испарина, в глазах вдруг потемнело...

– Ну. Здравствуй. С возвращением! – сквозь пелену проглядывали очертания лица какого-то мужчины в колпаке, очках и с густой бородой. За стеклами очков добрые голубые глаза, увеличенные довольно толстыми линзами, излучали радушие и тепло. Мягкий голос доносился откуда-то издалека, Николай не смог понять, где находится и, ворочая глазами, огляделся. Белые стены и потолок, яркий свет, часы на стене, какие-то аппараты и шкафы со склянками...

Он снова посмотрел на доктора, который всё это время наблюдал за ним и попытался узнать ответ на вполне естественный вопрос, но ничего не вышло – даже рот открыть не получилось. Превозмогая чудовищную слабость, Николай еще раз попробовал хоть что-нибудь произнести, но доктор в протестующем жесте замахал руками.

– Молчите, молчите. Вы в больнице, в палате реанимации. Все уже в порядке, отдыхайте. Не надо ничего говорить, наберитесь сил сначала. Понятно? Моргните, если поняли.

Николай смежил веки и опять начал погружаться в темноту.

Проснулся от разговора. Рядом с ним стоял тот же врач уже с медсестрой, которая что-то записывала, держа на весу синюю папку. Николай расслышал слова:

– ...завтра можно в палату перевести.

– Где я? – голос был незнакомый. Коля даже не понял сначала, что вопрос задал он сам. Доктор тут же поднял на него глаза и улыбнулся.

– Вот и проснулись. Как себя чувствуете, Николай?

– Нормально вроде. Что со мной? – Николай попытался протереть рукой глаза, но что-то мешало. Он почувствовал, что левая рука привязана к кровати.

– Осторожно, не надо дергаться, – врач дотронулся до его руки и что-то поправил, – У вас капельница стоит, поэтому мы на всякий случай и привязали вас. Помните что-нибудь?

Коля напрягся и вспомнил свой поход к зубному, укол и последующую темноту в глазах.

– Ну, так, немного... – начал было, но доктор перебил его.

– Что ж вы не сказали, что у вас аллергия на новокаин? Могло совсем печально закончиться, слава Богу, во время приехали. Вспомнили? – доктор пристально смотрел на него, медсестра, закончив писать и закрыв папку, куда-то отошла.

– Да я и не знал. А что случилось? – он посмотрел на врача. Слабость начала проходить, он чувствовал себя все лучше и лучше и начал прислушиваться к ощущениям внутри, пробуя шевелить ногами и руками. Ноги были тяжелые, словно налитые свинцом.

– Вам сделали укол новокаина, пошла реакция. Нас вызвали. Сразу сюда, под капельницы. Кома – не шутка. – Заметив удивление Николая, врач вновь улыбнулся. – Да-да. Кома. Вы уже третьи сутки у нас гостите.

Николай прикрыл глаза. Сказать, что он удивился, значило ничего не сказать. Трое суток...!

«А как же работа? Что в редакции скажут? Да и вообще, меня уже все потеряли, наверное...».

Словно читая его мысли, доктор тут же произнес.

– На работу мы сообщили – у вас удостоверение с собой было. Больше вроде никто не спрашивал. А вот коллеги каждый день звонят, особенно начальница ваша. Всем бы таких заботливых начальников.

Николай через силу улыбнулся. Ираида Павловна действительно чудесный человек, а как начальник просто пример для подражания.

– Завтра переведем Вас в палату, вот и нагрянут гости. Ладно, отдыхайте, а мне к другим пациентам надо. Поспите, вам надо набираться сил, – и доктор, улыбнувшись своей профессиональной доброй улыбкой, тихо ушел. Николай остался один, если не брать в расчет медсестру, которая сидела в дальнем углу палаты и что-то писала – слышно было лишь легкое шуршание.

Прикрыл глаза. Спать не хотелось, но все же чувствовалось что-то наподобие усталости и невыносимой тяжести во всем теле.

«Трое суток... Ничего себе, укольчик.» Николай тщетно силился вспомнить хоть что-то между обмороком и пробуждением – какие-нибудь сны, видения, хоть что-нибудь – но безрезультатно. Словно черная яма в сознании, никаких проблесков, намеков – абсолютно ничего.

«Это что получается – второй раз родился, можно сказать? Вот уж действительно повезло...»

Он попытался представить другой исход и почувствовал подступивший страх, нарастающий, словно снежный ком. Николай попробовал переключиться на другие мысли, но ничего не вышло. Страх перерос в ужас, он обволакивал, проникал во все клеточки, в самые отдаленные уголки мозга. Хотелось закричать, чтобы хоть как-то снять ужасное оцепенение, но сил не было даже на крик. Он боялся пошевелиться, казалось что любое движение приведет к чему-то, чего он боялся. Хуже всего было то, что Николай не понимал причину ужаса, не ясно было, откуда он исходит, и это еще больше нагнетало панику. Внутри все сжалось в единый комок, дыхание сбилось, страшно стало даже дышать. Хотелось раствориться, спрятаться, исчезнуть – но от чего? В это время сидевшая тихо медсестра с шумом встала из-за стола и эти звуки показались оглушительными в пугающей тишине палаты. Сердце сжалось, лоб покрылся испариной, Николай непроизвольно дернул непривязанной правой рукой. Движение тут же принесло облегчение, пелена расступилась, ужас рассеивался и Николай услышал собственное сбившееся дыхание, – такое громкое и тяжелое, словно он только что пробежал марафон. Коля провел ладонью по лицу, стирая выступивший липкий пот и слезы. Он все еще не мог отойти от потрясения, впервые в жизни испытал такой ужас, и чувствовал себя полностью разбитым, опустошенным этим странным наваждением, но вместе с тем на сердце появилось колоссальное облегчение.

– Девушка! – позвал он сестру. Во рту пересохло, голос стал хриплым. Ему казалось, что он крикнул, хотя на самом деле раздался лишь громкий шепот.

Сестра подошла, Николай попросил воды. Он пил противную теплую воду и хотел, чтобы сестра не отходила, чтоб оставалась рядом, лишь бы снова не вернулся страх, лишь бы не быть одному. Сестра смотрела на него в ожидании и, допив, Коля протянул стакан. Она молча взяла его и пошла к столу.

Николай прикрыл глаза. Захотелось спать, словно после снотворного, он подумал, что завтра уже переведут в палату, где всяко он один не будет – и провалился в сон.

В палате он пролежал еще три дня под наблюдением врачей и полностью оправившись, к выходным уже выписался из больницы....

Вспоминая эту печальную историю с благополучным исходом, Николай заново переживал все свои последующие ощущения. Долгое время он боялся ложиться спать – страшно было вдруг не проснуться, пугался любых болезней и недомоганий – казалось, что это начало конца, но в то же время безумно радовался каждому новому дню, каждому часу этой ранее серой и однотонной, ставшей вдруг необыкновенно радостной и приятной жизни. Он пересмотрел свои взгляды на многое – что ранее казалось неважным, обыденным или вовсе ненужным вдруг стало на первые места, а то чем, собственно, жил – потеряло свой смысл, обмельчало или попросту отошло за ненадобностью. Николай перестал выпивать, хотя раньше довольно часто закладывал с друзьями; начал уважать чувства других людей – раньше чаще пользовался ими ради собственной выгоды. Каждый день старался прожить так, словно он был последний, не строя никаких планов на будущее – далекое или ближайшее. Изменившись сам, Николай заметил, как изменилась жизнь вокруг него, и все это приносило радость, но в то же время порой закрадывалась на сердце грусть от осознания некой безысходности – ведь рано или поздно все должно было неизбежно закончиться. А когда и как – одному Богу ведомо. После своего второго рождения – а Николай именно так относился к этой истории, – он все чаще приходил к мысли о существовании Бога.

Вполне возможно, это были лишь

Навязчивые мысли, которые он сам подсознательно внушал себе. Но как с другой стороны, можно объяснить слова сказанные врачом: «вы чудом остались живы». Чудес не бывает, Николай с детства не верил ни в Деда Мороза, ни в сказки, ни в каких-либо привидений и тому подобное. Будучи маленьким и сидя на коленях у своего деда Коля часто слышал от него одну и ту же фразу:

– Это судьба, внучек.

Как-то раз Коля не выдержал и спросил:

– А что такое судьба? Какая она – у меня, у тебя?

Дедуля как обычно улыбнулся, ласково погладил внука по голове и заговорил своим тихим, спокойным голосом. Коле всегда нравилось слушать его: речь была плавной, словно течение воды, но в то же время проникала в сознание настолько, что, казалось, ты сам пережил только что рассказанную дедом историю. Коля любил закрывать глаза и представлять все, о чем говорит дедушка.

– Что такое судьба? – дед улыбнулся, но глаза погрузнели и ненадолго задумавшись, заговорил.

– Понимаешь, Коленька, каждый человек для чего-то рождается на этот свет. Все мы под Богом ходим и лишь ему ведомы наши судьбы. Что человек сотворит в этой жизни, для чего он пришел в этот свет; сколько ему годков отмеряно. Посмотри кругом – все люди разные – двух похожих не сыщешь. Каждый занимает определенную, отведенную только ему ячейку в едином целом. Каждый несет свой крест, а какой он – этот крест – не ему выбирать. Чтобы ни делал, как бы ни старался, а от судьбы не уйдешь, ее не обманешь. Смотри – кто-то ворует, а кто-то его ловит и в тюрьму сажает. Это ведь с одной стороны, совершенно одинаковые люди – две руки, две ноги, голова – но вот характеры и цели в жизни совершенно разные. А поставь их вместе – вот тебе и равновесие. У каждого своя миссия. Я вот тоже на войне проклятой ранен был сильно, думали, не выживу – ан нет, живехонек. Вот, с тобой сию.... А дружки мои там остались. Скажешь – повезло мне? А почему же другим не повезло также? Вот я и думаю что судьба у них такая. Исполнили они то, что предназначено было Богом и полегли в землю.

В голосе деда послышалась нескрываемая грусть, и маленький Коля еще сильнее прижался к его крепкому и такому родному плечу.

– Ну, а твоя судьба... Кто ж его знает, кем ты станешь, что с тобой будет... Одно скажу – хорошим человеком вырастешь, это я точно знаю, – дед подмигнул и, поцеловав внука в макушку, нежно, но в то же время сильно прижал его к себе...

«Так в чем моя миссия? Почему, ради чего я выжил?». Николай прикурил новую сигарету и налил кофе. Глядя на сизый, медленно плывущий к потолку дым, мужчина попытался расслабиться и отбросить назойливо лезущие в голову мысли о бренном существовании. Чтобы отвлечься, он подумал об Анжелике.

«А за что девочке такая судьба? Что она успела натворить в жизни, что ей вдруг такое наказание? Какой у нее крест, какая миссия?»

Ему вдруг дико захотелось поговорить с девушкой, просто услышать ее голос, увидеть ее. Коля даже посмотрел на часы, но тут же мысленно одернул себя и удивился.

«Да, что со мной? Что я прицепился к девчонке?»

Он осознавал, что его тянет к этой девочке, но что именно, какие чувства испытывает, понять не мог. Симпатия, смешанная с состраданием и в то же время каким-то любопытством. Хотелось узнать какая она, чем живет, ради чего, хотя Николай понимал, что в восемнадцать лет еще трудно иметь в чем-либо определенность. Да и зачем ему это знать, для чего?

Сигарета дотлела, Николай сунул очередной окурочек в пепельницу и поднялся из-за стола. Все-таки надо ложиться, времени уже много. Он прошел в комнату и расстелил постель.

Утро началось со звонка мобильного телефона. Николай посмотрел на часы – половина десятого.

«Надо было будильник завести», – чертыхнулся мужчина и полез в карман брюк за трубкой. Звонила Ирина.

– Привет, Коленька, как доехал? Почему не звонил вчера, я весь вечер прождала? Поезд задержался или случилось что-то?

– Да, поезд опоздал, – Николай откинулся обратно на подушку. Не хотелось говорить Ирине правду про вчерашний вечер, и он попросту поддержал предложенную ей же версию. – Собирался с утра позвонить, да вот – проспал.

Мужчина скосил взгляд на незаведенный с вечера будильник и досадливо поморщился.

– Ну, ладно просыпайся. Я на работе. Вечером обязательно увидимся. Я уже соскучилась. Все, Коленька, прости, не могу говорить, некогда. До вечера. Целую.

– Целую, – машинально ответил Николай и положил трубку. До него вдруг дошло, что он первый раз за все время отношений с Ириной соврал девушке. Нельзя сказать, что он был предельно откровенный с подругой, иногда просто переводил неприятные темы для разговора на другие. Но чтоб солгать – такого еще не было. Странно, но угрызений совести или чего-либо подобного не чувствовалось. Ложь казалась настолько незначительной, что Николай решил не обращать на неё внимания. Он выполз из-под одеяла и побрел в ванную.

На работе все прошло хорошо, никаких претензий за опоздание. Ираида Павловна с интересом выслушала его рассказ о командировке и сама предложила взять выходной. Николай тут же последовал совету и вскоре лежал на диване с очередным детективом в руках. Как обычно, хватило его не надолго. Проснулся вновь от телефонного звонка.

– Коленька, я уже иду. Купить что-нибудь?

Николай бросил взгляд на часы – Ирина уже закончила работу. «Ничего себе – полдня проспал. Что ночью-то буду делать?»

– Посмотри сама, что хочешь. У меня везде пусто – что в животе, что в холодильнике.

– Хорошо, скоро буду.

Вечер удался на славу. Ирина, похоже, скупилась весь магазин. Она готовила ужин и без усталости тараторила о работе и событиях городской жизни, словно Николая не было по крайней мере месяц. Мужчина, чем мог, помогал подруге и пытался изображать заинтересованность, но, как только девушка накрыла на стол, тут же подхватил ее на руки и понес в спальню...

Через какое-то время Ирина, лежа на боку и поглаживая грудь мужчины, тихо произнесла:

– Даже не думала, что ты так соскучился. Что это с тобой? Почаще бы такие командировки были.

Николай улыбнулся в ответ. Он и сам не ожидал от себя такой страсти. Обычно все происходило более спокойно, размеренно, в какой-то степени даже консервативно, но не сегодня...

Он действительно накинулся на Ирину, словно оголодавший солдат – срывал одежду с какой-то не присущей ему яростью, сжимал ее тело в объятиях чуть ли не до синяков, врываясь в нее с остервенением, жадно, словно стараясь что-то доказать. Не отличаясь особым темпераментом, Николай удивился не меньше Ирины, но все же был невероятно доволен собой. Не хотелось искать какие-то отгадки и он молча притянул к себе девушку...

После, все же добравшись до накрытого стола, они пили принесенное Ириной шампанское и мужчина жадно поглощал приготовленный подругой ужин. Девушка отказалась, сославшись на то, что уже перекусила на работе и просто молча наблюдала за ним с плохо скрытыми любопытством и восхищением, пытаясь хоть как-то объяснить себе вдруг произошедшие в нем перемены. Сметя добрую половину ужина, Николай удовлетворенно откинулся на спинку стула.

– Ладно, Коленка, пойду я домой, поздно уже.

– Подожди, провожу – мужчина подорвался было за встающей Ириной, но вышло довольно натужно – все же количество съеденного давало о себе знать. После плотного ужина навалилась усталость, что видимо, было очень даже заметно, потому как Ирина поспешила остановить его поползновения:

– Ничего не надо, я такси возьму. Не хочу пешком идти, что-то устала сегодня, – она лукаво улыбнулась и пошла в прихожую. Николай поплелся следом, еле передвигая ноги.

– Может, останешься? – заведомо зная ответ, все же поинтересовался он. Девушка с улыбкой посмотрела и, поцеловав в губы, открыла дверь.

– До завтра! Позвоню тебе как смогу.

– Хорошо, Передавай привет родителям.

– Обязательно. Они, кстати, интересовались, куда ты пропал.

– Завтра зайдём, хорошо?

Ирина еще раз чмокнула возлюбленного в губы и пошла к лифту. Николай дождался, пока девушка зашла в кабину, махнул на прощание рукой и, закрыв дверь, устало побрел к дивану. У него вдруг возникло ощущение, что он что-то забыл, но притупленное восприятие действительности не дало мысли сформироваться.

«Завтра вспомню» – прикрыв глаза под монотонный голос диктора теленовостей, Николай растянулся на диване, испытывая невероятное блаженство.

Он проснулся под звук так и работающего телевизора. Приняв душ и побрившись, уже одевался на работу, с умилением вспоминая вчерашний вечер, когда вновь неприятное ощущение посетило его. Что-то он забыл, но что? Николай старался вспомнить все детали свидания с Ириной, но ничто не заостряло внимания. Уже выйдя из квартиры и подойдя к лифту, с досадой понял, что именно гложет его столько времени.

«Анжелика...! Вот черт, как же я забыл?» Ему стало совестно. Пообещал девочке прогуляться, а сам даже и не вспомнил. «Да, уж, молодец, ничего не скажешь».

Он посмотрел на соседскую дверь. «Может зайти, вдруг она еще дома? В принципе ничего страшного не случилось, извинюсь, да и все. Скажу, что дела неотложные были», – он вспомнил вчерашние «неотложные дела» – «Да, ладно, просто не смог и все». Лифт распахнулся, но Николай уже давил кнопку звонка. Раздалась знакомая трель и через полминуты послышались тихие шаги.

Дверь открылась и Николай, уже заготовивший полную раскаяния речь, осекся. Девочка стояла перед ним в теплой вязаной кофте, с нездоровым румянцем на лице и красными глазами. Горло было обмотано пуховым платком и мужчину сразу осознал причину такого внешнего вида.

– Здравствуйте, – шепотом произнесла Анжелика и попыталась улыбнуться, но лицо исказилось страдальческой гримасой.

– Привет. Что случилось? – Извинения вылетели из головы, настолько неожиданной была ситуация.

– Ангина, похоже. Горло болит сильно, да и температура, – прохрипела девочка и поправила платок на шее.

– Как же ты умудрилась? Врача вызвала?

– Нет еще. Вчера болеть стало, думала до утра пройдет, а оно вот как...

Словно очнувшись, девочка шире распахнула дверь и прошелестела:

– Да вы зайдите, а то чего мы через порог...

Николай прошел в прихожую.

– Лекарства есть какие-нибудь? Какая температура? – он на самом деле встревожился – Анжелика выглядела хуже некуда.

– Не нашла, попозже схожу в аптеку.

– А температура?

– 39 и 6, – девочка опустила глаза, словно была виновата в этом.

Николай опешил.

– С ума сошла? Какая аптека?! – Он огляделся. – Где у тебя телефон?

– Он не работает – упал. Я к соседке схожу, вниз.

Мужчина чертыхнулся про себя.

– Так, понятно. Сиди дома. Я сейчас приду.

Он вернулся к себе и, позвонив в регистратуру, вызвал врача. Затем набрал номер редакции. Через пару гудков в трубке послышался голос редакторши.

– Аллю?

– Ираида Павловна, это Николай. У меня тут проблемы возникли, можно я отгул возьму? Очень нужно!

Видимо в его голосе прозвучало нечто необычное, потому как начальница тут же встревожено ответила:

– Конечно, конечно, Коленька. Что стряслось-то, что-то серьезное? Может, помочь чем надо?

– Да, нет, спасибо большое. Потом расскажу. Ничего страшного, просто не терпит отлагательств.

– Хорошо, Коленька, если что звони сразу.

– Спасибо.

Коля положил трубку и прошел на кухню. В шкафчике хранились небольшие, очень редко пополняемые запасы таблеток. Найти там что-нибудь подходящее шансов было немного, но все же попытаться стоило. После беглого осмотра выяснилось, что шансов не было вовсе.

Он вернулся к Анжелике. Девушка открыла тут же, словно стояла под дверью.

– Так. Врача я тебе вызвал, сиди – жди, сказали, скоро будет. Я в аптеку, посмотрю что-нибудь, а ты ложись и лежи. Ясно?

Девочка кивнула с благодарной улыбкой. Лучше бы она не пыталась улыбаться. От ее вымученной гримаски хотелось плакать.

Возвращаясь из аптеки с купленными лекарствами, Николай увидел у подъезда карету скорой помощи и, не дожидаясь лифта, вбежал наверх.

Анжелика открыла на звонок и пошла в комнату, где сидела женщина врач и что-то писала.

– Вот мой дядя. Он уже купил какие-то лекарства – упреждающе произнесла девочка и, взяв у мужчины пакет, подошла к врачу.

– Угу, – врач, на секунду приподняв голову, кивнула. Николай встал в дверях и смотрел то на Анжелику, то на женщину. Лица смущенно замерла возле дивана и искоса поглядывала в его сторону.

«Вот я уже и дядей стал. Ну, племянница, подожди...».

Врачиха закончила писать и, посмотрев на Николая, ухмыльнулась.

– Вы родственник?

– Да. Дядя ее, – Николай для большей достоверности закивал.

– Дядя, так дядя... Плохи дела. Ангина, причем сильная. Я выписала рецепт, кое-что вы уже, смотрю, купили. Как принимать и что делать – написала. Сейчас сделаю укол, чтобы сбить температуру. Если вдруг поднимется опять, вызывайте скорую.

Она отвернулась к разложенному на столе чемоданчику и достала одноразовый шприц и ампулу.

– Ложись, – кивнув в сторону дивана, врачиха посмотрела на Анжелику. Девочка смутилась и исподлобья взглянула на Николая, который тут же ретировался на кухню.

Через пару минут тетка, выходя из комнаты, еще раз повернулась к вскочившему Николаю.

– Будет хуже – вызывайте врача, – и, вновь ухмыльнувшись, едко добавила – дядя... И побольше пить давайте.

Мужчина почувствовал, как кровь ударила в лицо, но белый халат уже удалился за дверь. Захлопнув ее, Николай прошел в комнату. Лица сидела на диване.

– Извини, что я тебя дядей назвала, – она вновь перешла на «ты».

– Ничего страшного, все в порядке. Потом обсудим наши родственные связи. Как ты себя чувствуешь? – Николаю вовсе не хотелось продолжать эту тему.

– Голова сильно болит. И горло, – говорила девочка с трудом.

Николай подошел ближе и потрогал лоб.

– Давай-ка ложись под одеяло. Температура сейчас спадет, не волнуйся. Я тебе пока чаю сделаю с малиной. Будешь?

Девушка кивнула и дернулась было встать ему на помощь, но мужчина резко повторил.

– Лежи, я сказал. Сам разберусь, что и где.

Он прошел на кухню и разогрев чайник, налил кружку ароматного горячего чая. Добавив, купленное по дороге малиновое варенье вернулся к девушке. Лица лежала, прикрыв глаза, и никак не отреагировала на его появление.

«Господи, совсем ребенок». Николай смотрел на соседку и его сердце разрывалось от той неуёмной жалости, какую испытываешь при виде больных детей. Волосы спутались, румянец залил щеки, черты и без того худенького личика обострились. Лица тяжело и надрывно дышала, одеяло вздымалось на груди в такт дыханию.

– Ты спишь? – негромко спросил мужчина.

Веки дернулись, девочка открыла глаза.

– Нет...Ой, спасибо большое, – увидела она кружку в его руках.

Николай подвинул к дивану маленький стульчик и, поставив чай, сел напротив в мягкое кресло. Лица пила маленькими глоточками, часто дую на кружку.

– Попей и ложись спать. Если хочешь, я посижу рядом, – он сам не ожидал от себя подобного предложения, но уходить не хотелось. Как можно было оставить девочку в таком состоянии? Лица подняла на него глаза.

– Посидите, Если усну, вы дверь потом захлопните, пожалуйста.

– Хорошо, если ты меня на «вы» перестанешь называть. Или забыла уже?

Ли́ка улыбнулась, но ничего не ответила, каждое слово и так давалось с трудом. Допив чай, она откинулась на подушку и прикрыла глаза. Николай взял со стола книгу – она оказалась учебником истории для вузов.

«Ну, что ж, вспомним пройденное»...

Проснулся он внезапно и какое-то время не мог понять, где находится и что его разбудило. Он сидел полностью одетый в глубоком мягком кресле, на коленях лежала раскрытая книга, а, напротив, на диване, подперев рукой голову, лежала Анжелика. Девочка улыбалась, глядя на недоумение Николая. После сна ее личико заметно посветлело, болезненный румянец спал и, в общем, Ли́ка выглядела намного лучше, чем утром. Николай улыбнулся в ответ.

– Вот, решил за тобой присмотреть, да как-то не очень получилось.

Девушка засмеялась, но хриплый смех тут же перешел в надрывный кашель. Через какое-то время, победив приступ и вытирая выступившие слезы, она прохрипела;

– Не знаю, кто уж за кем следил, но все равно спасибо вам... тебе... большое.

– Да ладно, – отмахнулся Николай. – Тебе хоть полегче стало?

– Да, конечно, намного. Температуры вроде нет, да и вообще неплохо себя чувствую. Надо вставать, хоть в порядок себя привести. Да и прибраться не мешает.

Николай огляделся по сторонам. Перед тем как позорно задремать он уже рассмотрел комнату и не нашел, в общем-то, ни одного изъяна кроме разве что разбросанных на журнальном столике тетрадей и учебников. Еще в прошлое свое посещение квартиры девушки Николай обратил внимание на уют и порядок – каждая вещь находилась на строго отведенном ей месте, ничего лишнего. Все скромно, но со вкусом...

– Ну ладно, я тогда пойду. – Николай встал с кресла и, шагнув к дивану, положил руку на лоб девушки. Жар прошел, но все же температура еще не совсем спала. – Если что – звони, я дома буду.

Анжелика смотрела на него с огорчением. Николай оторвал руку, но Анжелика тут же схватила его ладонь своей.

– Спасибо тебе еще раз. Заходи на чай, хорошо? – Слова сопровождалось таким взглядом, что отказаться было невозможно. Николай молча кивнул в ответ.

– Провожать не надо. Я захлопну. Выздоровлявай, Ли́ка!

Уже направляясь к дверям, он вдруг резко остановился и обернулся. Девушка с удивлением подняла на него глаза.

– Ли́ка, ты извини, что вчера не зашел. Наобещал, а сам... – он виновато развел руками.

– Да ладно, я так и думала, что не зайдешь. Ничего страшного, все равно никуда не пошла бы, – она примиряющее улыбнулась, всем своим видом показывая, что не держит зла.

Николай махнул рукой на прощание и вернулся к себе.

С того дня прошло почти две недели. Анжелика полностью выздоровела и собиралась выписываться. Надобность присматривать за ней отпала, но их встречи с Николаем наоборот стали более частыми. Мужчина забегал почти каждый день справиться о самочувствии, Ли́ка заметно радовалась его визитам и каждый раз чуть ли не силой затаскивала на кухню поболтать. Николай обратил внимание, что у нее появился кофе, хотя сама девушка отдавала предпочтение чаю. Значит, кофе куплен для него?! Мелочь, а приятно...

Мужчина обнаружил, что Анжелика стала более раскованной в разговорах с ним. Она уже не переходила в обращении с «ты» на «вы», искренне и заразительно смеялась, а порой даже кокетничала, но делала это настолько неумело, что непременно вызывала улыбку на лице мужчины. Наряду с этими радостными фактами случались и моменты, на которые Николай не мог не обращать внимание. Иногда после бурных всплесков положительных эмоций Ли́ка вдруг резко уходила в себя, замыкалась и сосредоточенно думала о чем-то, недоступном для его пристального внимания. Она словно переходила какую-то грань, кардинально меняя свой

образ в считанные мгновения, но проходило определенное время и следовало возвращение. Мужчина не раз пытался выяснить, чем обоснованы эти переходы, что приводит девушку в такое состояние, о чем она думает, но Лика либо молча мотала головой, либо ссылалась на сугубо личные мотивы. Николай – с одной стороны чувствуя пусть несильную, но все же обиду, с другой – все большее любопытство, желание узнать – с чем связано ее такое негативное состояние, с каждым разом все требовательнее пытал ответа у девушки. И однажды, стараясь выяснить ответ на все более мучивший его вопрос, вызвал у девушки совершенно неожиданную реакцию. Лика, сидевшая и, казалось, как обычно не особо обращающая внимание на его расспросы, вдруг вспыхнула:

– Да какая разница, что со мной, о чем я думаю? – милое личико исказилось от гнева.

– Когда захочу – сама расскажу! И вообще, что ты лезешь со своими расспросами? Какое тебе дело – что со мной происходит?

Николай опешил, Он никак не мог представить, что его интерес вызовет такой всплеск негатива со стороны соседки. Анжелика, глядя в пол зло прищуренными глазами, сидела на стуле и нервно сжимала худенькие кулачки, затем резко вскочила со стула и ушла в комнату. Ошарашенный, Николай остался за кухонным столом, пытаясь понять – что же такого произошло? Растерянность сменилась на раздражение. Сначала на Лику, затем на себя самого. Он вскочил из-за стола и, накинув в прихожей куртку, быстро вышел из квартиры. Не заходя к себе, мужчина спустился во двор и сел на скамейку. Достал сигарету, закурил. Быстро вспыхнувшее раздражение также быстро и погасло – на улице было тепло и солнечно, гуляла молодежь да пенсионеры, деревья в небольшом скверике зеленели свежими, набирающими силу листочками. Он глубоко затянулся и, закинув голову, выпустил к небу струйку дыма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.